

МАКСИМ МЕЙСТЕР

ОТКРЫТКИ ОТ ОДИНОЧЕСТВА

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ, ТОМ 1

Максим Мейстер
Открытки от одиночества
Серия «Максим Мейстер.
Собрание сочинений», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14343385

ISBN 978-5-4474-3801-2

Аннотация

Если жениться можно только один раз, а развод означает неизбежную смерть для обоих... Если брак – не просто сожительство двух одиночек, а слияние в одно существо... Вы можете оказаться в таком мире, окунувшись в роман «Открытки от одиночества».

Содержание

1	5
2	9
3	31
4	34
5	50
6	62
7	72
8	90
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Открытки от одиночества

Собрание сочинений, том 1

Максим Мейстер

© Максим Мейстер, 2015

© Sand Rae, иллюстрации, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Дорогая, пожалуйста, не думай обо мне так сильно, я не могу сосредоточиться на работе...»

– Сежа ругается, – улыбнулась мама и посмотрела на меня. Светлое лицо, морщинки в уголках и все та же смешная привычка щуриться одним глазом. – Ладно, садись, кушай. Папа просит обязательно его дожидаться, и тогда расскажешь, что у тебя нового.

– Конечно, мам. Я так давно вас не видел.

– Садись, будем завтракать, сейчас сестренка встанет, я ей не сказала... – Тут же появилась заспанная младшая сестра и кинулась на шею.

– Виса приехал! – Забралась на колени и, похоже, не собираясь слезать как минимум до конца завтрака.

Подозреваю, что сестренка тоже хорошо читает мысли. Не случайно же она появилась, как только мама подумала одновременно обо мне и о ней. Матрица сложилась, как у нас говорят...

– Ты кушай, сынок, смотри, как похудел за три года! – причитала мама и подкладывала в тарелку.

Я раньше тоже, как и все дети женатых родителей, чувствовал мысли мамы и папы. Особенно мамы и особенно в детстве. Сейчас почти не чувствую. И чем дольше не встречаюсь с родителями, тем слабее связь.

Конечно, дети никогда не читают мысли родителей так ясно, как супруги друг у друга, но ощущения почти безошибочные. Вот и сейчас, как в далеком детстве, естественно, без усилий сложилась матрица.

— Мам, да не беспокой ты папу, я же на неделю как минимум, успеем повидаться...

— Ой, ты нас слышишь еще? — Мама замерла, а потом от избытка чувств подошла и обняла. — Вися ты мой маленький. А я думала, ты уже совсем один остался... Жениться-то не надумал? Как там твоя... — Мама напрягла память. — Та-ра?

— Да, спасибо, у нас все хорошо... — я сразу замкнулся и перестал чувствовать маму.

— Ну и чего вы? — обиделась та, вернувшись к плите. — Восемь лет вместе, а жениться когда? Хочешь всю жизнь оставаться один? Как сейчас модно?.. Эх, молодежь, не понимаете вы главного.

— Не, Виса женится, — вдруг заявила сестренка. — Ему просто хорошую надо. Вот моя лучшая подруга подрастет...

— Не болтай, егоза, иди, причешишь лучше. Ты в зеркало смотрелась?

— А чего я там не видала, а вот брата давно... — буркнула сестренка, но все-таки спрыгнула с моих колен и пошла в ванную.

Я попробовал расслабиться, чтобы снова чувствовать родителей. Как в детстве. Еще пять минут назад, когда мама

«говорила» папе, чтобы он «плюнул на работу и ехал домой», при этом думая обо мне, матрица сложилась, и я ощутил смысл послания, которое мама передавала. Значит, получится снова.

– Все-таки сорвала отца с места, да? – улыбнулся я, поймав образ: в некоем схематически прорисованном помещении мужчина звонит начальнику и говорит: «Я после обеда уйду. По семейным обстоятельствам...»

– Да, после обеда придет. И завтра отгул возьмет. Не так уж часто ты со своего острова прилетаешь.

– Извини, мам, просто у нас с Тарой не все гладко.

– Да уж наверное! Восемь лет, двое детей, а никак не женитесь. И зачем все это тогда?!

– Да нет, при чем здесь... Сейчас все так живут, ты же знаешь. – Я заерзал. – Она женщина самостоятельная, у нее своя прокатная база на пляже. Ну, там для серфингистов, для...

– А это здесь при чем? – оборвала мама. – Ты мне скажи честно. Ты сам-то хочешь жениться? Или предпочитаешь осознанное одиночество?.. – Она сморщилась, не скрывая своего отношения к современным нравам.

– Хочу.

– И ты делал Таре предложение выйти за тебя?

– Нет, но...

– И чего тянешь?!

– Мам, она уйдет, как это было с другими. Я хочу выждать, приноровиться друг к другу без слияния, чтобы она привык-

ла, я привык, а потом она согласится пройти обряд.

– Ладно, ты уже большой, делай, как знаешь. – Махнула рукой мама. – Но в наше время все было проще. И лучше. Мы с твоим папой всего месяц были знакомы, а потом он сказал, пойдем жениться. Я сказала, ты чего?! И собралась сделать ноги. Он меня через плечо и в ближайший храм. А после обряда, куда денешься? Но зато уже сто тридцатый год пошел, как вместе. И дети настоящие, вон, ты до сих пор матрицу слагаешь, не то, что современные несчастные одиночки...

Мама еще что-то привычно бурчала на эту тему, а я сидел, смотрел на нее и наслаждался атмосферой родного дома.

И мне совсем-совсем не хотелось возвращаться на свой остров к Таре и ее... нашим?... самим по себе?... детям. Там нет дома, там нет семьи. Просто четыре одиночки под одной крышей...

Я – поздний ребенок. Женатые родители всегда поздно заводят детей. Лет через тридцать, а то и пятьдесят после обряда. Почти-женатые пары – совсем другое дело. Вот они плодятся, как кошки, простите за сравнение. Тут, конечно, сравнивать нельзя. Для одних дети – продолжение самих себя, а для других – просто... Хотя нельзя думать на эту тему. У нас же равенство всех и вся. Попробуй вслух сказать, что дети почти-женатых неполноценны по сравнению с нами, так оштрафуют по самое не хочу. А что такого? Ведь это факт!

Хотя, если честно, годам к пятидесяти, разница выравнивается. Особенно, если сам не женишься. Вот, как у меня. Формально я по-прежнему сын женатых родителей, а по сути – такой же, как все. Не из-за формальной корректности, а реально – такой же, как все... Даже болеть начал, хотя мне и восьмидесяти еще нет... Текущая почти-жена нервы треплет. Обычно больше четырех лет современные почти-браки не держатся. А зачем? Гормональной тяги друг к другу хватает на год-полтора, потом еще на пару лет за счет ребенка. Потом надо либо второго заводить, либо почти-жену менять. С моими первыми почти-женами я, как рекомендуется, по четыре года максимум жил, а вот с Тарой уже восемь. В душе надеюсь, что она за меня замуж выйдет, но разумом прекрасно понимаю, что стоит мне заикнуться... Да и хо-

чу ли я этого сам? Хочу прожить в единстве с этой женщиной всю оставшуюся жизнь?.. Да пошла она вместе со своими серфингистами к водяному дьяволу! Как же хорошо сидеть здесь, дома, от нее подальше и возиться с любимой сестренкой!..

– Виса, перестань плохо думать, у меня от тебя голова разболится! – Мама зашла в комнату и строго посмотрела. – И не мучай ребенка!

– Это еще не известно, кто кого мучает! – возразил я.

– Известно, известно... Кстати, берегись, она тебе в отместку кое-что придумала...

– Мама, так не честно! – закричала сестренка.

– Ладно, перестаньте оба. Папа уже подъезжает, а вы на кого похожи?!

Я тоже почувствовал. Помог сестренке собрать игрушки и приготовился к встрече.

Он вошел стремительно, оглядел меня, крепко ухватив за плечи, потом обнял.

– Смотришься не на пять с плюсом, но на твердую четверку – точно! – заявил он, располагаясь на диване и усаживая меня рядом.

– Это потому что дома, вас с мамой увидел, – ответил я. – А так, вообще на тройку с минусом выгляжу.

– Да?.. И от чего ты у нас такой помятый? На нас посмотри: полторы сотни разменяли, а у меня еще седины только в висках. Да и то, потому что она украшает мужчину! Про

мать не говорю, – как была красавица, так и осталась!

Я смотрел на отца. Совсем не изменился. Такой же бо-
евой. Темные волосы, короткая стрижка. Лицо открытое,
с часто мелькающей искренней улыбкой. Взгляд сильный,
словно толкает даже, когда папа сосредоточенно посмотрит.
Но приятно толкает, по-дружески.

– Мама говорит, что ты со своей текущей почти-женой об-
ряд проходить так и не собираешься? – строго спросил папа
и уставился на меня.

– Да я бы хотел, но, боюсь, будет как с прошлыми...

– Сбежит? Понятное дело. А ты по старинке!

– Папа!

– Что «папа»?! Испокон веков так было. Дед рассказывал,
что и по голове невесту взаправду били, чтобы не визжала,
когда жених на обряд несет. А что? Хороший обычай, между
прочим, а то развели тут бабскую цивилизацию. Равенство,
там, какое-то придумали, вот и перевелись семьи, а все жи-
вут друг с другом, как зверушки!

– Папа! – Я подумал, что позволю отец такие речи в пуб-
личных местах, то он бы штрафом не отделался, а загре-
мел бы на полмесяца за хулиганство и разжигание какой-ни-
будь там розни.

– Скажешь, не правду говорю? Ты вот со своей... как?...
да, Тарой, спасибо милая... Так вот, ты с ней зачем живешь?

– Ну, привыкнем друг к другу и поженимся, – сказал я
и покраснел.

– И не ври, я же отец твой, так что вижу. И не красней даже! Дочка, дуй в свою комнату! Видишь, какой у тебя брат оболтус, семью позорит. Человек, а живет, как хомячок!.. – Сестра недовольно фыркнула, но к себе ушла. – Ты завел ее, чтобы было с кем... – папа выразился откровенно и не совсем цензурно, из-за чего с кухни тут же на секунду появилась мама.

– Сежа, я просила тебя дома не ругаться. Даже в мыслях, а ты вслух уже!

– Не буду, не буду. – Папа немного успокоился. – Но что, я не правду говорю? Сейчас же они заводят друг друга, как, прости господи, кукол для секса, не так? А где чувства, а где взаимопонимание? Где настоящие дети, в конце концов? Настоящие дети! А не чужаки с этим вашим дерьмовым осознанным одиночеством. Тьфу!.. Поседею с вами раньше времени. Так и знай, Вис, если не женишься, я тебя уважать не буду, так и знай!.. А что я такое говорю?! – крикнул он в сторону кухни, видимо, получив от мамы очередной упрек. Они мысленно поспорили, потом папа пробурчал: – Ну, не буду больше пока, после обеда еще поговорим. Должен же я единственного сына на путь истинный наставить?.. Пойдем.

Отец так и не отпустил меня. Мы встали и пошли обедать. У меня кружилась голова. Мама и папа постоянно общались внутри друг с другом, почти непрерывно думая обо мне, из-за чего меня просто переполняли образы, в которых

я с непривычки запутался. Казалось, что в голове множество пар моих родителей, каждая из которых танцует под музыку. Причем каждая пара родителей под свою музыку и свой танец. Одна кружилась в вальсе, а другая отбивала чечетку, третья изображала ламбаду, а пятая носилась туда-сюда в ди-ком танго...

– Я еще не проголодался, – сказал я, когда папа наконец отпустил меня и сел за стол. – Пойду, посмотрю, как там сестренка...

Я улизнул с кухни, не обращая внимания на возмущенные и недовольные образы.

– Уф! Как ты с этим справляешься?!

– С чем? – Сестренка сидела за столом и что-то читала.

– Ну, когда родители постоянно в голове...

– Они не постоянно. Только когда надо. А у тебя разве нет? – удивилась она.

– Знаешь, чем старше становишься, тем меньше их чувствуешь, – признался я. – А когда далеко живешь...

– А нам говорили, что расстояние не имеет значения.

– Это, может, теоретически не имеет, а практически – очень даже... Представь, что ты летишь далеко-далеко, на самолете. И хотя знаешь, что для матрицы физическое расстояние не имеет значения, все равно думаешь, что связь должна слабеть. И она становится слабее, потому что ты так думаешь, а мысли уже воздействуют на матрицу. Не расстояние, а твои собственные мысли. Я у себя на острове совсем

не чувствую родителей, потому и звоню по телефону...

– У-у-у, а я думала, зачем вы перезваниваетесь все время. Думала, что телефоны это только для этих... для остальных придумали.

Да, сестренка не могла не набраться от отца. Надеюсь, она не называет остальных детей «пометом», как до сих пор еще принято в ортодоксальных семьях. Ее же могут отчислить за такое. Еще полсотни лет назад дети из семей учились отдельно. Сейчас только смешанные школы, потому что нас с каждым годом все меньше и меньше... Хорошо, если в классе сестры есть еще хоть один ребенок от женатых родителей, а, скорее всего, нет. И она, как белая ворона. Способнее, здоровее, сильнее и умнее сверстников, но вынужденная приспособливаться быть такой, как все.

– У тебя друзья есть? – спросил я.

– Есть! – улыбнулась она. – Трое. Две девочки и мальчик. Одна из нашей школы, мы с ней почти каждый день видимся, а остальные из других...

– А из обычных детей? Ну, одноклассники...

– Не-е, – помотала сестра головой. – Я к ним нормально отношусь, как нас учат. Играю со многими, хожу в гости иногда. Но дружить – это другое. Нельзя дружить, когда только жалеешь.

– А ты не жалеи, пойми, что они точно такие же, просто...

– Ну да, точно такие же! – хмыкнула она. – Они с родителями словно чужие! Даже не чувствуют. Мама, когда вол-

нуется, она просто о папе думает и обо мне, я сразу их слышу и отвечаю. А у этих – только телефоны в кармане. Названивают. А ребята берут и ругаются в трубку. Сколько раз видела, что ругаются! И даже девчонки. Только чужие могут ругаться друг с другом. Мне их жалко. Они всегда одни. А у нас нет, у нас мама и папа всегда внутри, стоит только захотеть... Вон, мама сейчас спросила, где ты. Я ответила, что мы разговариваем. Она сказала, что папа покушал, довольный, и сейчас сидит в комнате и ждет, так что ты иди туда. А я пока уроки доделаю...

Я вздохнул и пошел в комнату. Папа сидел на диване и щелкал пультом от проектора. Отец явно успокоился и даже лучился добродушием.

– Садись, смотри, это мы тридцать лет назад, помнишь? Ездили вместе в горы.

– Помню. Это Срединные горы. Там до сих пор почти все женятся.

– Seriously? – искренне удивился папа. – Ты почему мне не сказал?! Я бы там остался.

– А кто бурчал, что в гостинице тараканы с ладонь? – засмеялся я.

– Ну, я же не знал, что это редкий, охраняемый вид, да и мать чуть в обморок не свалилась. И я вместе с ней. Сейчас, тут где-то фото этого монстра было.

Мы смотрели старые слайды и улыбались. Отчетливо вспомнил, как с воплями папа в первой попавшейся короб-

ке понес администратору здоровенного таракана, и как хитрый коридорный перехватил и объяснял, что это редкий вид и что охота на них запрещена. Так до сих пор не знаем, врал или нет.

Отец от просмотра старых фотографий быстро перешел к прерванному разговору:

– ...Природа же все продумала идеально! Я всегда говорю, если не знаешь, как правильно поступить, спроси у ма-тушки-природы. А что делают наши правители? Все наоборот они делают, вот что я тебе скажу! Вместо того чтобы способствовать появлению новых семей, они всю рекламу осознанное одиночество. А все почему? Да потому что сами – одиночки! – Вдруг отец резко сменил тему разговора с почти безобидного политического бурчания на практический вопрос: – Ты свадебную кость брать будешь?! – Отец уставился на меня исподлобья.

– Ну, папа, ты каждый раз спрашиваешь! Я же говорил, что не настолько старомоден. Если и буду жениться, то в гос-учреждениях, а не в старинных храмах...

– Что?! Только попробуй! Без обряда? И какой смысл тогда?! Я хоть и атеист, но жениться надо обязательно в древ-них храмах!

– Но ведь ученые давно выяснили, что для слияния мат-риц имеет значение только жидкость, а обряд – просто...

– Только попробуй! – Отец разозлился и выскочил из ком-наты. Он вернулся со знакомым белым футляром. – Все рав-

но ты должен взять семейную свадебную кость. Ты единственный сын... – Он с любовью открыл футляр. – Смотри, какая красавица, из лучшего имитационного пластика, с серебряными и золотыми украшениями, а рабочая часть? Нет, ты посмотри, с мягкими вставками, пружинит... Нет, природа все задумала идеально. Мужчина с давних времен берет женщин замуж. Еще с тех самых пор, когда люди были хищниками. И в каждом роду хранилась кость. Берцовая кость крупного животного. Носорога, саблезубого тигра или даже мамонта. У моего прапрадеда, говорят, была настоящая... И чего ты морщишься?... Мужчина испокон веков выбирал себе женщину, подходил к ней и говорил: «Я хочу на тебе жениться. Пойдем на обряд, и ты станешь мной!» И испокон же веков женщина, услышав это, пыталась убежать. Кому же хочется становиться кем-то другим? Потому что раньше ментальная матрица мужчины была значительно шире женской. Так что при объединении матрица женщины растягивалась и становилась больше зависимой от мужской. Мужская же при объединении, наоборот, немного сжималась. Разумеется, все мужчины хотели жениться, потому что они получали своего рода расширение себя, подавляя матрицу женщины. А женщины, наоборот, как огня боялись выходить замуж, потому что...

– Пап, я знаю историю, но сейчас же не каменный век.

– Не перебивай родителя! – Похоже, они не успокоятся, пока я не женюсь. Придется терпеть и в сотый раз слушать

лекцию, хотя, судя по образам, которые у меня мелькают, опережая устный разговор, в этот раз они ведут к чему-то новенькому...

— Так вот, на чем я остановился? — продолжил папа и прислушался, явно перекинувшись парой мыслей с мамой. — А, на том, что женщины боялись... Да. И, разумеется, на ритуальное предложение выйти замуж, женщина обычно отвечала молча. Ногами. Вернее, очень быстро ими двигая. Убегала то есть. Вот тогда в дело вступала свадебная кость, которую каждый уважающий себя юноша брал с собой на жениховство. Оставалось только догнать невесту, приложить ее осторожно свадебной костью по голове, а потом тащить поскорее к ближайшему храму. Там читались древние мантры, молодожены выпивали зеленый сок Священного Древа, после чего ментальные матрицы благополучно сливались.

Конечно, так замечательно идти дела не могли слишком долго. Люди развивались, так что вскоре мужчины решили, а с какой стати я должен терпеть у себя в голове эту... Тут шел эпитет, сила которого зависела от множества факторов. Тем более что мужчины к тому времени освоили много других способов управлять женой. Той же свадебной костью, например, используя ее не по назначению...

И одновременно с этим женщины вдруг сообразили, как же это удобно быть единой с мужем! Тот и в чужую хижину не сунется. Да какое там! Он даже подумать о другой не может, потому что жена отлично слышит все мысли су-

пруга и тут же начинается «пилить», где бы тот ни находился. Заначку, опять же не спрячешь, с друзьями не напьешься...

Мне нравилась слушать, как папа рассказывает историю человечества. Конечно, на самом деле все было не так. Ну, в учебниках, по крайней мере, описание гораздо скучнее. Хотя, кто сейчас скажет, как там было миллион лет назад? Во всяком случае, папина версия мне была симпатичнее.

– ...Да и вообще, гораздо проще жить чужим умом. Вот тогда женщины и спохватились. Да и умнее они стали почему-то. Видимо, сказалось расширение матрицы из поколения в поколение. Короче, началось цивилизованное время, когда и кости свадебные стали не настоящие, и женщины убегали осторожно, чтобы не убежать, да и по голове били так, для виду. Но в генах у нас до сих пор сидит, что мужчина должен жену искать, а женщина – убежать. Вспомни своих почти-жен! Думаешь, они не хотели замуж? Да в подсознании любая женщина мечтает слиться с мужчиной, но инстинктивно бежит. Для чего? Чтобы проверить твою решимость!

– Ну, это всего лишь одна из теорий, – промямлил я.

– И никакая не теория, а правда жизни! Мужчина быстро влюбляется. У него пар из ушей, кричит «мое», «мое!» и кидается с предложениями руки и сердца, держа свадебную кость за спиной. Одним словом, мужчина быстро загорается и быстро остывает. Уже через пару дней, если не женится, он думает, а на кой мне все это? Но посмотри на женщин.

Разве они сгорают от любви? Или сходят с ума от нее же? Нет, они спокойно рассматривают претендента, у которого дым из ушей, и оценивают. Да-да, оценивают! Раньше оценивали ширину плеч, твердость лба и количество целых зубов, сейчас другое, но суть от этого не изменилась. Женщины не любят, они оценивают.

Я незаметно оглянулся в сторону кухни, но там было подозрительно тихо. Папа продолжал:

– И в этом тоже великая правда матери-природы. Мужчине она всобачила способность любить, казалось бы, довольно бесполезную с биологической точки зрения способность. Но, как оказалось, необходимую. В том числе и для продолжения рода. Да и осмысленность какую-то любовь придает нашей жизни, правда? Для разумных существ это тоже важно. Любовь – это единственное, что придает смысл бессмысленной по сути жизни. Это зверушкам достаточно просто размножаться, а разумным – нет. Так вот, что я хочу сказать?.. Мужчины – они умеют любить, а женщинам такая способность ни к чему. С биологической точки зрения женщинам нужно просто найти хорошего самца, способного защитить и обеспечить ее и потомство. Зачем какая-то там любовь, усложняющая жизнь? Но мужчинам это осложнение необходимо, ибо другого стимула связываться с женщинами и тем более присоединять их к себе, у него нет и быть не может!

– Не соглашусь. У животных природа обошлась чисто физическим удовольствием.

– У современных людей-зверушек все так и устроено, но я же говорю о Людях, которые образуют Семьи, понимаешь? Это разные вещи. И пусть хоть заштрафуют, я от своей точки зрения не откажусь! Ты слушай дальше. – Папа задумался, как будто пытаюсь поймать ускользнувшую мысль. Затем поморщился.

– Тут мама возражает насчет того, что женщины не умеют любить, но в глубине души она со мной согласна.

– Попробуй с тобой не согласиться, потом весь день голова болит! – раздался громкий голос мамы с кухни.

– Вот видишь, я же говорю, – она согласна. Что касается любви, я тебе сейчас дорасскажу, и ты поймешь, что я прав. Дело в том, что природа, в свое время придумав любовь для мужчины, сама не поняла, что сотворила. Я так предполагаю, что в те давние времена люди были такими же зверушками, как и все остальные. И вот в один прекрасный момент природа научила мужчин любить...

– Тогда уж, почему не Бог? – возразил я. – Зачем велосипед изобретать?

– Ну да, с Богом все логичнее и красивее получается, но я же атеист, так что попробую обойтись. Так или иначе, мужчина почувствовал, что не просто хочет совокупиться вон с той самкой, а что он эту самку... любит! И что никто ему, кроме *этой* самки не нужен, и что он хочет сделать ее своей частью. Навсегда, ибо – любовь...

– Бред какой, если с биологической точки зрения смот-

реть, — сказал я.

— Ну, пускай Бог решил поделиться своей любовью с какой-то из зверушек и выбрал людей! — Сдался папа. — Это сейчас не важно. Теологические споры оставим на вечер, хорошо? Так вот, этот наш древний мужчина, вдруг почувствовавший любовь, впал в отчаяние, потому что, ну как можно завладеть объектом любви навсегда? Не совокупиться пару раз, а сделать собой! И с тех пор все мужчины мучились от любви, гибли от нее и страдали ужасно, а женщины размножались себе и бегали от излишне влюбленных мужиков, потому что те и пришибить могли в любовном угаре.

— Кстати, с биологической точки зрения это тоже необъяснимая вещь, — вставил я замечание, прикинув, что для природы подобные потери нерациональны.

— Ну да, необъяснимая, не надо меня перебивать. Так и жило человечество какое-то время, пока один очередной наш влюбленный предок не стал разумным. С чего он стал разумным? Ну, вот здесь можно обойтись естественным объяснением, без всяких богов. Просто все мужчины очень страдали из-за этого непрошеного чувства. Любовь изводила нас поколение за поколением, при этом не принося никакой существенной пользы. А, как известно, когда на биологический вид действует какой-то раздражитель, то вид пытается от него так или иначе избавиться. Приспосабливается, меняет ареал и тому подобное. Поменять ареал обитания мужчина мог, но какой от этого толк? Да, он пытался и таким об-

разом решить свою проблему, благодаря чему человек расселился по всей планете. Но от любви не убежишь, так что мужчине пришлось стать разумным, чтобы выяснить, что же его так мучает-то, в конце концов? Так появился разум, которым мужчины начали вовсю пользоваться, стараясь решить главную свою проблему. Мы научились строить хижины, которые очень понравились пока еще неразумным женщинам. И теперь мужчина мог хоть частично исполнить свою мечту и не расставаться с любимой женщиной гораздо дольше, чем на время совокупления. Мужчина запирал любимую в хижине, а сам отправлялся на охоту. Он приносил любимой пищу, а женщине со временем это начало нравиться, потому что не надо стало самой носиться по деревьям. Со временем мужчины научились делать очень хорошие хижины, в которые даже хищники не могли пробраться. Это понравилось женщинам еще больше. А потом мужчины изобрели огонь, чтобы их любимым не было холодно. Потом изобрели украшения и подарки. И так далее, и тому подобное. Ведь мужчины *любили*. А когда любишь, то стараешься делать для любимой все самое лучшее... Женщинам нравилось. Им было удобно, комфортно, да и размножаться под защитой мужчины было проще и безопаснее. Женщины так и не научились любить, а, следовательно, остались неразумными. И мужчин это очень смущало. Они хотели не только любить, но и быть любимыми. Потому что никакие хижины и замки на дверях не помогали по-настоящему присоединить к себе любимую.

Стоило появиться более сильному самцу с более крепкой хижинкой, как любимая спокойно убегала, оставляя несчастного влюбленного страдать от невыносимых мук. Многие после этого даже забирались на самое высокое дерево и прыгали оттуда головой вниз. Редко успешно, как правило, успевая передумать и ухватиться за проносящиеся вокруг ветки, но все же...

И вот, в один прекрасный древний день, наш несчастный, несомненно влюбленный, но покинутый предок, решил закончить неудавшуюся жизнь таким способом. И он забрался на высокое, очень толстое дерево и в последний раз набрал в легкие воздуха. И вдруг уловил удивительный аромат! Решив повременить с кончиной, мужчина захотел найти источник аромата и стал спускаться по стволу. Вскоре он наткнулся на дупло, внутри которого обнаружил подтеки зеленого сока, аромат которого сводил с ума. Мужчина попробовал странную жидкость и вдруг почувствовал прилив сил. Он выскочил из дупла и побежал за негодяем, который разрушил хижину и украл его возлюбленную! Легко догнав и отколотив соперника, наш мужчина вернул себе любимую. Он крепко обнял ее и зашептал возвышенные стихи в ее волосатое ухо. Она не возражала. И тогда влюбленный и окрыленный мужчина решил угостить любимую своей находкой. Он дотащил женщину до дупла и показал знаками, мол, пей, напиток – супер! Но она почему-то стала вырываться. Вот тогда, я полагаю, мужчина и приложил ее, любя, по голове,

чтобы не дергалась. И они вместе попробовали напиток Священного Дерева Единства...

Я наконец не выдержал и рассмеялся.

– Пап, история на пять с плюсом! Не хочешь книжку написать?

– Да ты чего? Давно уже все написано. В нашей молодости это была одна из общепринятых теорий. Я просто популярно ее пересказал.

– Серьезно?

– Конечно, просто сейчас этой книги не достать по понятным причинам. Женские комитеты по судам затаскают любое издательство, рискнувшее ее переиздать.

– И ты всерьез в эту теорию веришь? – удивился я.

– А что? Очень правдоподобно звучит. Ведь открыли же наши предки Дерево Единства когда-то? Да и первая пара, попробовавшая сок дерева, тоже, скорее всего, была. Хотя, верующие говорят, что... И знаешь, я думаю, тот парень прибалдел, когда обнаружил в голове матрицу любимой. Мечта сбылась! Теперь любимая женщина была не просто какой-то отдельной самкой, она превратилась в часть мужчины! Ведь если женщины были не разумны, то мужчина легко смог подчинять себе их ментальную матрицу. Представляешь, что началось?! Беда в том, что при объединении не только женщины становились частью мужчины, но и мужчины – частью женщин. Так что наши дорогие пра-пра-прабабушки получили нахаляву и разум, и любовь. И у меня есть подозрение,

что и в наше время женщины, не слившиеся с мужчинами, не разумны и не способны любить...

– Сежа, перестань! – Мама, видимо, не выдержала крамольных мыслей своей половинки и появилась наконец в комнате не только мысленно. Она села между нами, обняв обоих. – Не забивай сыну голову своими теориями.

– А что? Я подвожу его к тому, с чего начал. Я сделал утверждение, что любая женщина подсознательно хочет замуж и просто оценивает решимость претендента. А Виса заявил, что это всего лишь предположение. Теперь я подвел под свои слова мощную теоретическую базу. Смотрите, если предположить, что женщины неразумны... Ладно-ладно, пускай, разумны, но не способны любить в силу биологических законов, о которых я говорил. Так вот, женщина, как и любое разумное существо... Видишь, милая?! Я говорю – разумное существо. И оно, то есть – она, хочет любви. Потому что это единственное, чего нет у зверушек. Это – божественная вещь! Но у женщин ее нет по прихоти природы. И чтобы полюбить, женщине надо объединить свою ментальную матрицу с матрицей мужчины, в которой любовь предположительно есть. Именно поэтому женщина очень внимательно смотрит и оценивает, любит ли ее претендент. Понимаете, как хитро? Кажется, что женщина оценивает внешность, счет в банке и дом, но на самом деле подсознательно она проверяет только одно, любит ли ее мужчина. Ведь это ее единственный шанс полюбить самой...

– Пап, ты меня совсем запутал. Почему единственный? И при чем здесь решимость?..

– Слушай сюда. Мужчина способен на любовь, женщина – нет. При этом любовь – единственная вещь, которую можно назвать божественной, тем, что делает человека не просто разумной зверушкой, а надприродным, богоподобным существом. Тогда, чтобы полюбить, женщине надо слиться с мужчиной, который любит. Понимаешь? Поэтому, когда ты предлагаешь женщине выйти замуж, у тебя должна быть настоящая внутренняя решимость, которой женщина ждет. Если решимости, проистекающей из любви, нет, то женщина убегает. И правильно делает, потому что на самом деле, глубоко внутри, как правило неосознанно, в силу неразумности, она понимает, что ей не нужен ни самец, ни роскошный дом, ни деньги и ни личный самолет. Она хочет быть любимой и через это полюбить сама... А теперь скажи мне честно, любил ли ты хоть одну из своих почти-жен, когда предлагал выйти им за тебя?..

Меня всегда огорошивала эта манера отца от теории переходить к практике. Я задумался, перебирая в уме своих почти-жен. Сколько их было? Я даже по именам не всех помню. С большинством мы не прожили вместе и месяца...

– Нет, – наконец честно сказал я. – Не любил. Были хорошие. Кое-кого до сих пор вспоминаю с грустью, но... Многим я предлагал выйти за меня замуж, но не потому что любил, а потому что хочу семью, как у вас. Да и вы постоянно...

– Вот только не надо на родителей сваливать! – перебил папа. – Пока что мы имеем факт – ты не любил.

– Любил! – вдруг неожиданно для себя самого сказал я. – Любил. Один раз. Но у нас оказались несовместимые матрицы.

– А, это твоя первая любовь? – Отец стал серьезным и по мрачнел. – Пора бы выкинуть ее из головы. Не судьба, значит, не судьба. Давно подозреваю, что ты из-за нее никак не можешь найти жену.

– Да нет, я же все понимаю. Я давно о ней не думаю. Как о жене, по крайней мере. И очень хочу найти кого-то, но....

– Слушай, сынок, мы давно хотели с тобой поговорить. Я даже подробную теорию составил, объясняющую, почему так надо сделать, но буду говорить по-простому: завязывай с почти-женами!

– В смысле? – не понял я. – А как же искать?

– Как хочешь, но почти-жен больше быть не должно. С каждой новой ты делаешь шаг назад от настоящей женитьбы. Помнишь последний семейный бум? Может, и нет, ты маленький был. Я тебе расскажу вкратце. Тогда начался очередной всплеск популярности семейной жизни. Пропаганда просто повсюду! Такая, что я бы развелся назло всем, если бы мог. На каждом углу кричали, что надо возвращаться к истокам, к настоящим семьям. Что наши предки были намного счастливее нас. Что женатые живут в два раза дольше и почти не болеют. Что как это здорово, чувство-

вать и знать, о чем думает и мечтает любимый или любимая. И прочее, и прочее. В результате все бросились жениться. Мода! И чем это кончилось? Самоубийства и сумасшествия. Тысячами! Они думали, что после обряда все произойдет как по волшебству, но семья – это огромный психологический труд в начале. Огромный! И зверушки, привыкшие к почти-бракам-на-пару-месяцев, оказались к этому труду не готовы. А обратного пути нет! Разойтись можно, но партнер остается у тебя в голове... И общество после этого липового бума качнулось в другую сторону, когда жениться едва не запретили. И теперь уже не помню сколько лет пропагандируют осознанное одиночество. Что, мол, каждый человек – это личность, которая не должна смешиваться с кем-то еще. И каждый должен сам, один, встречать и преодолевать жизненные трудности, не рассчитывая на кого-то, кроме самого себя. Осознанный индивидуализм. К чему я это вспоминаю? Дело в том, что каждый почти-брак делает тебя все менее способным на настоящий. Поверь мне, Виса, ты останешься один, если по-прежнему будешь вести себя, как зверушка... А ведь ты единственный наш сын. Неужели на тебе прервется наш древний род?

– Пап, я обещаю, что сделаю предложение Таре, как только вернусь домой, – прочувствованно сказал я. Родители все-таки в очередной раз задели в моей душе крепкие родовые струнки. К тому же я и сам чувствовал, что с каждым годом становлюсь все менее способным к женитьбе. Она превра-

щается в нечто отдаленно желаемое, но не обязательное. – Сделаю, несмотря ни на что.

– Хорошо! – выдохнул папа. – Тогда держи!

Он потянулся, схватил футляр со свадебной костью и торжественно протянул мне.

– Пап!!! Только не это! Я как представляю сцену, в которой делаю предложение Таре, держа за спиной эту кость, мне самому страшно становится! Что уж говорить о бедной женщине?!

– Ничего ты не понял, похоже. – Отец явно обиделся. – Это же символ! Не обязательно пускать его в дело.

– Ну, пап, не сердись. Как женюсь, обязательно возьму реликвию к себе. И сыну передам. Только не заставляй доставать кость из футляра. Это такой анахронизм, что... что... я даже не знаю!

– Сежа, не мучай ребенка, – вступилась за меня мама. – Сейчас такие времена, ничего не поделаешь. Честно тебе скажу, даже я испугалась, когда ты пришел с этой костью меня сватать. Да и родители мои. А ведь с тех пор сколько воды утекло...

– Ладно, – смирился отец. – Но чтобы с почти-женами завязал! Не позорь семью.

– Обещаю... – искренне сказал я, довольный, что удалось отбрыкаться от родовой кости.

Я возвращался домой. За стеклом – облака. Сколько ни летаю, никак не могу насмотреться на эти пушистые, бескрайние поля. С самого детства хочется выпрыгнуть из самолета и бегать, кувыркаться...

«Все хорошо? Ты устроился? Летишь? – Мама беспокоится и безвылазно сидит в голове. – Опять на облака смотришь?»

«Да, мам, пап, все хорошо. Уже над океаном лечу...»

Стюардесса принесла пахучую жареную картошку в масле и с богатым овощным гарниром. Есть не хотелось. Я думал о родителях, легко переговариваясь с ними мысленно...

Вместо планируемых пяти дней, я пробыл у них две недели. Теперь примерно год смогу чувствовать себя в семье, а не одиночкой. Сначала матрица будет слагаться по несколько раз на дню, потом реже, а через полгода останутся только неясные образы. К концу года исчезнут и они.

Надо чаще бывать у родителей, несмотря на расходы. Хотя бы раз в год, чтобы связь не прерывалась. Я вспоминаю, что думаю об этом каждый раз после встречи с семьей, но у себя быстро вовлекаюсь в разные дела. Не такие уж важные, если смотреть на них сейчас, с борта самолета, уносящего меня от настоящей ценности моей жизни – родителей... Но через месяц... Почему мы так склонны становиться зве-

рушками, которые крутятся в своем собственном, выдуманном колесе, перекладыны которого вдруг становятся важнее всего на свете? А есть ли смысл в этом бесконечном вращении рутинных дел и забот?

«Мальчик мой, ты чего думаешь опять? – Мама всегда улавливает, когда я впадаю в излишне меланхоличное настроение. – Кушай картошечку и думай о предстоящем разговоре с Тарой...»

Да, мама права. Не про картошку, которую я пока не хочу, а про мою текущую почти-жену. Надо обдумать, что я ей скажу.

Кстати, она даже не позвонила за все это время ни разу. Хотя могла бы и побеспокоиться, куда почти-муж девался. Только вот ей нет до меня никакого дела... Наверняка, резвится там со своими серфингистами!

Я вдруг почувствовал резкое раздражение. Отчетливо вспомнил Тару. Высокая, очень красивая брюнетка. Гордая, с резким характером, а иногда даже отталкивающим поведением. Отталкивающим, когда что-то не по ней. Как мы прожили восемь лет? Я не мешал ей, она – мне... Вот и весь секрет.

Думать о ней не хотелось. Я почему-то был уверен, что Тара успела за эту неделю закрутить очередной роман и уже сменила меня на другого почти-мужа. И при этой мысли мои дикие предки внутри начинали бушевать. «Вот, если бы мы были женаты, то попробовала бы ты даже подумать...» – про-

шептал я про себя, сделал несколько глубоких вдохов и без аппетита стал есть картошку. Несмотря на прекрасный запах, вкус был на троечку.

Я пообедал и откинулся назад, намереваясь подремать. А вместо этого стал вспоминать Кану. Я всегда о ней думал, когда внутри было плохо и непонятно. Может, позвонить? Мы часто перезванивались. Но что-то остановило. Мелькнул образ предстоящего разговора с Тарой, и я почувствовал, что звонок сейчас будет неуместен. Тогда я стал просто вспоминать о ней, о моей первой любви...

– ...Вы понимаете, на что идете? – в сотый раз спрашивал доктор и испытующе заглядывал нам в глаза. – Уважаемый Вис, уважаемая Кана, я понимаю, что вы уже совершеннолетние, но мой долг объяснить вам некоторые последствия слияния матриц. Вы знаете, что это приводит к потере индивидуальности?

Доктор замолчал, проверяя, какое впечатление произведет на нас это заявление. Не знаю, как на Кану, на меня оно не произвело никакого, потому что я доктора слушал в полуха. Тот перебирал наши бумаги, говорил и постоянно заглядывал нам в глаза, а мы с Каной сидели от него через стол, держась за руки и прижавшись друг к другу боками. Мы были заняты тем, что терлись под столом лодыжками, а я еще обдумывал, как бы незаметно ущипнуть Кани за попку.

– К частичной потере индивидуальности, – поправился доктор, в котором после некоторой борьбы научная добросовестность победила желание нас запугать. – Вы, наверняка проходили теорию и в школе, и в вузе, но сейчас не грех повторить. Вы должны понимать, на что идете. Человек – это не совокупность органов. Это не руки, не ноги, не голова, не печень и даже не мозг. Как утверждает современная наука, человек – это ментальная матрица: совокупность характера, привычек, воспитания, традиций, влияния социу-

ма и прочего, прочего, прочего. Матрица формируется с самого рождения, а некоторые исследователи утверждают, что ее формирование началось много рождений назад. Не будем отвлекаться на разные точки зрения и оттолкнемся лишь от реально проверенного факта: наши мысли, появляющиеся на протяжении жизни, не берутся из ниоткуда. Они формируются нашей индивидуальной ментальной матрицей. Следовательно, мысли не случайны, их появление, формирование подчиняется определенным законам. Я не хочу углубляться в теорию, ибо для вас сейчас актуальны не научные вопросы, а практические. Я хочу показать вам, как работает ментальная матрица. Представьте миллионы колышков разной толщины и длины. Ну, пусть эти колышки будут натканы в песке, на побережье. Представили? – Мы автоматически кивнули, услышав вопросительную интонацию в голосе доктора. – А на эти колышки натянута очень прочная эластичная пленка. Колышки – это наши с вами ментальные наработки, то есть привычки, свойства характера, особенности воспитания и так далее, выращенные, – или, если хотите, вбитые, – за жизнь или даже за несколько жизней, если согласиться со сторонниками теории перерождения. А пленка – это ум, который держится на «колышках». Под влияние ветра... Только не спрашивайте, что такое ветер, а то мы увязнем в таких дебрях!.. Конечно, мне, как ученому, очень интересен этот вопрос. Наша древняя религия сравнивает ветер то с душой, то с Богом. Именно кто-то из них – или даже

оба сразу – приводят ментальную матрицу в движение. И когда пленка ума, укрепленная на «колышках» под влиянием «ветра» начинает колебаться... Вы следите за моей мыслью? Понимаете образ? – Мы снова кивнули, а я даже отвлекся от Каны и попытался понять, что именно так упорно объясняет дотошный доктор, вместо того, чтобы просто поженить нас. – Хорошо, что понимаете. Тогда сейчас слушайте особенно внимательно. Когда пленка ума начинает колебаться, то образуются слабые вибрации, форма и свойства которых целиком зависят от формы ментальной матрицы и формы ее частей. Вот эти вибрации ума и есть наши с вами мысли. Таким образом, зная форму и особенности ментальной матрицы человека, можно легко понять, какие мысли будет формировать его ум. А сейчас подумайте, на что вы идете! Сок Священного Древа объединит ваши ментальные матрицы. Наложит их друг на друга. С одной стороны, кажется, что это здорово, ведь каждый из вас сможет легко читать мысли партнера. Но так ли это здорово, если вспомнить, что не только ты сможешь видеть партнера насквозь, но и он тебя? Увидит все твои тайные мысли, детские переживания, страхи, сексуальные фантазии, подлинное отношение к друзьям, к политике, религии, увидит, как ты относишься к нему. И не только в любви, но и когда раздражен, обижен и в гневе. Готов ли ты ощущать партнера целиком? Не только в радости и счастье, а в любом состоянии. Но даже это еще полбеды. При слиянии с другим, твоя собственная личность неиз-

бежно попадает под влияние личности партнера. Вот это я и назвал частичной потерей индивидуальности. Вы оба неизбежно изменитесь! Понимаете? Вы перестанете быть самим собой! Каждый из вас станет не просто «я», а «я» плюс партнер. Не лучше ли принять осознанное одиночество? Подумайте! Осознанно принять свое одиночество, свою индивидуальность. Вы всегда будете одиноки, но при этом – самим собой! На вас почти не будут влиять партнеры, с которыми вы живете. Ведь их всегда можно поменять, если что-то не так. Но жену или мужа не поменяешь. Вы навсегда будете друг у друга в уме. Понимаете?! Иногда люди думают, что стоит им объединиться, как все пойдет само собой. Это распространенная ошибка. Да, чтение мыслей друг друга помогает стать ближе, но женатая пара проходит те же биологические испытания, что и почти-женатые. Кризис первого года, когда ослабевает гормональная тяга, кризис второго и четвертого года, когда появляется ребенок, и природа считает, что работа сделана и пару нет необходимости больше держать вместе с помощью гормонов... В почти-браке эти проблемы легко решаются сменой партнера. Поэтому психологи рекомендуют не затягивать почти-браки дольше четырех лет. Но если вы женитесь, то... Проблемы будут те же, но решить их будет гораздо сложнее. Вам придется, – придется! – пережить их вместе. И далеко не у всех получается. Иногда, женившись, люди просто начинают ненавидеть друг друга, но разойтись не могут. Жить с кем-то еще – тем более. Ко-

му нужен человек, в голове которого живет «посторонний»? Если женатые люди расходятся, то либо кончают жизнь самоубийством, либо сходят с ума... По статистике более десяти процентов женившихся сходят с ума или кончают с собой. И процент увеличивается с каждым годом. Вы все еще хотите пожениться?

– Ты как, Кани? – спросил я. Она положила мне подбородок на плечо и посмотрела на доктора, словно на говорящую табуретку: с удивлением, но довольно-таки равнодушно.

– Угу, – сказала она.

– Ладно... – До доктора наконец дошло, что если его пламенная речь и убедила кого-то, то явно не обнимающуюся парочку напротив. – Заполняйте анкету, оплачивайте пошлину и проходите в лабораторию на сканирование матриц. Если не обнаружится каких-то патологий или несовместимости, завтра закажу жидкость в храме, а послезавтра поженитесь. По крайней мере, вы молодцы, что подошли к делу современному, а не бросились в ближайший храм. Там же ничего не проверяют, просто зачитывают древние тексты и дают жидкость. А ведь бывают случаи несовместимости матриц...

– Слышал, иногда монахи-друиды тоже не разрешают жениться, – возразил я. На самом деле, мне очень хотелось пройти обряд по старинке в храме-древе. Таинственная атмосфера, полусумасшедший монах, древние мантры... Но родители Каны настояли на современном варианте.

– Да, я знаю. Считается, что опытные и искренние священники чувствуют, когда к ним приходят несовместимые пары. Но тут раз на раз не приходится, а у нас – наука! Все-таки, пока вы заполняете документы, я хотел бы указать вам еще на некоторые моменты...

И доктор опять начал говорить и объяснять, почему женитьба – это анахронизм, и почему осознанное одиночество – это величайшее изобретение нашего времени.

Да, насколько я помню, именно тогда это «изобретение» обрело государственную поддержку. Потом я узнал, что служащим в палатах регистрации брака даже выплачивали премию за каждую пару, которую удалось отговорить...

А мы заполняли анкеты и, помнится, нас даже забавляло то, что рассказывал доктор. Мы с Кани оба из настоящих семей, так что на практике знали преимущества брака. К тому же мы были так влюблены, что никакие аргументы... Хотя, если верить теории отца, с ее стороны был расчет и здравая оценка. Да, очень похоже, хотя спустя годы, эта мысль не задевает меня так, как раньше, потому что я понимаю, – женская любовь есть, что бы ни говорил отец. Просто эта любовь – другая. Но, по крайней мере, я был точно влюблен безумно, ведь Кана буквально свалилась ко мне с небес... До сих пор с удовольствием вспоминаю тот день. Хотя начался он весьма неприятно.

Я родился в холодном климате. Мы с семьей жили за пятидесятой параллелью северного полушария. Полгода зима,

короткое лето и слякоть весной и осенью. Не то, чтобы это совсем плохо, даже сейчас скучаю по снегу и весенним грозам, но я с детства мечтал жить где-нибудь потеплее: в тропиках, на экваторе. Так что после школы решил искать себе новое место. Родители немного беспокоились, но смотрели одобрительно. «Будем к тебе в отпуск приезжать, в море купаться, загорать!» – сказал папа и со вздохом снял со счета крупную сумму на мое обустройство. И я полетел искать дом, работу и приключения. Хотя, нет, в другом порядке: приключения, дом и работу.

Так или иначе, я осел на небольшом тропическом острове, по которому месяц бродил без дела, ночуя под пальмами и общаясь внутри с родителями, которые с каждым днем все сильнее «пилили», переживая за беспутного сына. Папа готов был выслать деньги, чтобы я возвращался. У меня к тому времени не осталось ни гроша, но я чувствовал себя великолепно. Наконец, под давлением родителей, я нашел работу. Чудом. На тропических островах работа – большая проблема. Удивительно, но пригодилось мое детское увлечение – работа по дереву. Что я только тогда не вытворял! До сих пор дома хранятся модели самолетов, кораблей. И до сих пор мне не стыдно их показывать, с такой любовью они сделаны.

Я устроился учеником к местному мастеру, который делал доски для серфинга, украшал яхты для толстосумов, вырезал фигурки животных, выдавая их за местное народное творчество и продавая на сувениры... Одним словом, делал

бизнес на том, что для меня было любимым детским развлечением.

Мы быстро сошлись. Мастер с женой мне понравились. Хотя оба злоупотребляли брагой из кокосового молочка, — в доме она просто не переводилась. Но для пары, которой на двоих было около пятисот лет, слабость простительная. Правда, у старика еще была дурная склонность к идиотским розыгрышам и выходкам, но все равно он мне нравился. К тому же, именно после одной из таких выходок я познакомился с Каной...

Старика бесило, что я не умею плавать. Ну, почти не умею, что неудивительно, ведь я вырос в холодном климате. Но мастера это почему-то выводило из себя. Когда мы шли на пляж, он заплывал так далеко, что терялся за горизонтом, а я упорно бултыхался у берега, заплывая максимум на полсотни метров. Как он бесился! Пытался затащить меня на глубину, но я не давался и выбегал на песок. Я объяснял, что могу немного плавать, но у меня страх перед глубиной. Стоит мне понять, что под ногами уже нет дна, как начинаю паниковать.

Никакие аргументы на старика не действовали. Он ругался, чтобы я убирался на свой полюс и не морочил ему голову. И что если я собираюсь остаться на их райском острове, то лучше бы мне научиться нормально плавать и не смешить народ!

Однажды он вывел свой катер и взял меня с собой, якобы

показать, где водятся замечательные моллюски, из радужных створок которых он делал удивительно красивые сувениры. Я отказывался, потому что принципиально работаю только с деревом. Но старик рассердился, и пришлось согласиться.

Он отвез меня так далеко от берега, что тот превратился в узкую полосу на горизонте. Остановил катер и сказал, что именно здесь водятся моллюски. Я так разомлел на солнце, что ничего не заподозрил, хотя мог бы и сообразить – посреди океана можно найти максимум планктон.

– Смотри, смотри! – закричал вредный старик, указывая за борт. Я подбежал, посмотрел вниз, но ничего, кроме воды, не увидел. Тут мастер ухватил меня за ноги и перекинул за борт!

Я в ужасе заплывал рядом с катером, а этот гад, – да простит меня его дух, – стоял на палубе и хохотал. В конце концов, он бросил мне спасательный жилет и сказал, что желает мне приятно провести время и избавиться от боязни глубины. После чего завел катер и уехал.

Я кричал ему вслед, чуть не захлебнулся, потом с трудом надел жилет и завис посреди океана, стараясь преодолеть ужас, который накрывал меня, когда я вспоминал, что подо мной – бездна... Этот ужас буквально парализовал, так что я старался ни о чем не думать. Получалось плохо, потому что взгляд словно тянуло вниз. Тогда я насильно заставил себя смотреть в небо. А потом начал придумывать разные способы отомстить старику, когда до него доберусь. Это по-

могло, и я потихоньку принялся грести к берегу...

Через час я смирился с судьбой и даже начал находить удовольствие в своем положении. Поплывать я любил, просто раньше делал это вдоль берега, а теперь впервые плыл бог знает где. Страх перед глубиной куда-то ушел, и я просто наслаждался теплым спокойным океаном и неспешным движением к берегу. Я надеялся, что скоро меня заметят спасатели, и мне не придется тащиться своим ходом. Хотя потом выяснилось, что старик договорился со службой спасения, — благо, у него на острове все были друзья и знакомые, — и следил за мной в бинокль с вышки наблюдения, посмеиваясь и потягивая с инспектором охлажденный кокосовый сок.

Но грести до берега самостоятельно мне все-таки не пришлось.

Я в очередной раз устало завис на поверхности океана и махал руками, надеясь привлечь внимание спасательной службы. Эффекта не было, поэтому я просто завалился на спину и смотрел в небо, отдыхая и готовясь к новому плавброску. Надо мной кружились чайки, вокруг в воде равнодушно шевелились медузы... Все-таки, у нас замечательный риф.

Вдруг в небе появилась точка, которая стала быстро расти. Я резко перевернулся и заработал руками, чтобы сохранить вертикальное положение в воде. Точка стала величиной с птицу, а потом превратилась в небольшой водный самолет, который несся прямо на меня! Из оцепенения вывел шум. Я

подумал, что будет довольно глупо погибнуть посреди океана от упавшего самолета. На секунду эта мысль даже позабавила: «Неплохая месть моему старику! Всю оставшуюся жизнь будет переживать, что так поступил со мной!..» Самолет продолжал снижаться. И вдруг я отчетливо понял, что он действительно падает! И в самом деле на меня! Я заметался, не зная, что делать. Нырнуть поглубже или плыть изо всех сил? Если плыть, то куда? Влево или право? Тут не угадаешь... Я закричал и стал бить руками по воде, стараясь создать как можно больше брызг. Кажется, меня заметили, потому что самолет тоже заметался из стороны в сторону, тем не менее, продолжая нестись в моем направлении!

Виляя, словно подбитая птица, он наконец плюхнулся на воду буквально в десяти метрах от меня. Проехался по инерции, обдав волной, и закрутился на месте. Я видел, что пропеллер вращается только на одном крыле. Шум пропал, видимо, пилот догадался наконец выключить двигатель. Самолет перестал выписывать круги, немного проплыл и остановился.

Я перевел дух и принялся грести к неожиданному небесному гостю.

Кабина щелкнула, открылась, и тут же раздался громкий голос:

– Тебе что, плавать больше негде?! Я же тебя чуть не убила, черт побери?!

Я замер и посмотрел вверх, прикрывая глаза от солнца.

Пилотом оказалась молодая испуганная девушка. Я быстрее заработал руками и вскоре ухватился за шасси. Маленький самолет качался на волнах, словно странный, крылатый катер. Я забрался под крыло и улыбнулся девушке. Она замолчала, а я вдруг сказал:

– Я был бы счастлив, если бы меня задавила такая прекрасная девушка.

Наверное, это была самая большая глупость, сказанная мной за всю жизнь. Ну, по крайней мере, из первой десятки самых больших глупостей. Фраза так не вязалась с ситуацией, что девушка изумленно замолчала и уставилась на меня, словно на идиота. Потом мы с Каной часто вспоминали этот момент и хохотали, как сумасшедшие. Мы вместе пытались логически объяснить, почему я так сказал, вместо того, чтобы кричать в ответ, мол, куда прешь на своем гребаном самолете, не видишь, люди плавают?! Кана сказала, что примерно такой реакции ожидала.

Я тоже не мог объяснить свои первые слова. Да, девушка в кабине была на самом деле красивая, но не в тот момент, когда я ее увидел. Тогда ее лицо было искажено испугом, губы дрожали, а на лбу наливалось большое красное пятно, как потом выяснилось – от удара при не слишком удачном приводнении.

Наверное, я инстинктивно нашел слова, которые надо было сказать. Они подействовали странно. Девушка замерла, какое-то время молча смотрела на меня, а потом расплака-

лась.

Я растерялся. С меня текла вода, но я полез в кабину, чтобы успокоить незнакомку. Уж так устроен – не могу спокойно смотреть на плачущих девушек. Сразу хочется утешить, так что вскоре сидел рядом и бормотал что-то ласковое, слушая сбивчивый рассказ незадачливого пилота.

Оказалось, что у нее сегодня день рождения. И родители наконец-то подарили ей личный самолет, о котором она мечтала едва не с пеленок. Новенький! Она даже три года подряд работала в каникулы, вместо того, чтобы отдыхать и играть, как все остальные. И вот, по окончании школы, в день совершеннолетия, семья собрала все деньги и купила маленький четырехместный водный самолет. И это был ее первый вылет на собственном самолете!

– И мотор заглох! Представляешь?! – она вытерла ладонью глаза и посмотрела на меня. Тут я и увидел, какая же она хорошенькая!

– Не плачь, заплаканная красавица, – сказал я и невольно провел ладонью по ее волосам, поправил челку, – все же хорошо кончилось, ты ведь села!

– Села, – кивнула девушка. Она успокоилась и потрогала свой лоб. – Шишка будет... Дело же не в этом. Просто родители... Знаешь, чего они мне сейчас говорят?! Сначала испугались, а сейчас...

– Ты из семьи?! – воскликнул я.

– Да, а что?! – она тут же насторожилась и испытующе

посмотрела на меня.

В то время новые семьи уже становились редкостью, но нас, детей из семей, было сравнительно много – даже отдельные школы еще существовали. А вот отношение к нам со стороны одиночек становилось все хуже.

– Нет, ничего, просто я тоже!

– Правда?! – Она улыбнулась, а потом замерла. Я понял, что она разговаривает с родителями. Я тактично стал рассматривать приборную доску. Такое ощущение, что кое-где даже масло не стерли, так все блестело. Совершенно новенький самолет. Мне стало неловко за свою мокрую одежду и воду, стекавшую вниз. Кресло подо мной уже можно было выжимать.

– Ты извини, я тут немного намочил...

– Ничего, – она глубоко и прерывисто вздохнула. Кажется, справилась с потрясением.

– Слушай, а зачем тебе четырехместный самолет? – спросил я, оглядываясь в салон. – Одноместные дешевле и маневреннее, насколько я знаю...

– Я же не просто летать! – воскликнула она. – Думаешь, капризная дочка выпросила себе игрушку, да?! Нет, я хочу пассажиров возить между островами. Работать буду. Частные перевозки. Для туристов, да и вообще. У меня серьезные планы. Я школу закончила, так что теперь надо думать, чем заниматься. На островах работы почти нет. Можно, конечно, не работать, но это скучно. Официанткой в кафе для

приезжих идти?.. Не-е-е, я всегда мечтала летать, вот и придумала, как совместить мечту и работу.

– Ты молодец! – искренне сказал я.

– Только вот в первый же день – авария! – Ее губы задрожали, а в глазах опять сверкнули слезы. – Плохой знак! Да и родители теперь говорят...

– Да какая же это авария?! Просто ты спустилась подобрать терпящего бедствие меня. Разве нет?..

– А ты терпел бедствие? – изумилась она.

– А что, думаешь, я по своей воле плаваю посреди океана?! Да еще в одежде! Так что будем считать, в свой первый полет ты не в аварию попала, а человека спасла! Это хороший знак?

– Это – хороший! – согласилась она и заулыбалась. – Только вот как сейчас быть?! Вызывать «аварийку», чтобы отбуксировали к берегу?

– Ни в коем случае! Тогда будет авария совмещенная со спасением, а это хуже, чем просто спасение. Попробуй, может заведется...

Она нерешительно повернулась к приборам, а я стал молиться, чтобы каким-то чудом все заработало.

И все заработало!

– Ой, оба мотора завелись! – засмеялась девушка и почему-то восхищенно взглянула на меня. – Как ты это сделал?!

– А я тут при чем? Просто новая машина, так что всякое бывает...

Мы разогнались и взлетели.

– Тебя куда?! – деловито поинтересовалась она.

– Если есть кокосы, то вон туда, к моему острову, а если нет, то куда хочешь!

– Кокосы? – изумилась она. – Зачем?!

– Да, хочется чего-нибудь сбросить на голову одному вредному старикану! – рассмеялся я. – Может, хотя бы банан есть?..

– Внимание! Уважаемые пассажиры! Пожалуйста, пристегните ремни, наш рейс...

Я очнулся и выглянул в иллюминатор. Мы спускались. Заложило уши. Да, это совсем не маленький водный самолет... Я вернулся из воспоминаний, словно проснулся. Еще мгновение назад летел с Каной на ее самолете, а теперь – здесь, среди пассажиров большого лайнера.

Мы вынырнули из облаков, и я увидел свой остров...

Кстати, не поверите, но его можно назвать моим не только в переносном смысле, но и по названию. Остров называется Вис-Им, что буквально и означает – «остров Виса». Когда я летал в поисках нового дома, безбожно транжиря родительские деньги, то посетил с десяток тропических архипелагов, но никак не мог выбрать, где остановиться. То острова были совсем уж дикие, то, наоборот, слишком популярные. Когда я увидел на карте название «Вис-Им», то решил, что это знак свыше. К тому же у меня почти закончились деньги, а вернуться домой несолоно хлебавши не позволяла юношеская гордость.

Впрочем, остров, конечно, назван не в мою честь и даже не в честь какого-то другого Виса. На местном наречии «вис» – это всего-навсего «большой». Вис-Им – «большой остров».

Но название, похоже, все-таки было знаком, потому что место оказалось просто чудесным, именно таким, как я хотел. Остров в меру дикий – говорят, в глубине до сих пор есть нетронутые места, в меру цивилизованный – особенно побережья. И еще на острове был очень древний храм. Причем, довольно знаменитый, так что туда время от времени даже прилетали с материка.

«Сынок, ты проснулся? Уже подлетаешь?» – услышал я мамин «голос».

«Да...»

«Ты обдумал, что скажешь Таре? – подключился папа. – Раз уж не взял кость, тебе надо продумать убедительную речь...»

«Ой, сейчас!» – я вспомнил, что мне предстоит неприятный разговор.

«Что значит, „неприятный“?! – отец уловил мое отношение и в голове возмущенно загудело: – Какой смысл тогда жениться? Ты должен на крыльях радости лететь к избраннице, а если этого нет, и внутри у тебя такая кислятина, которую даже мы ощущаем, то на кой все это жениховство липовое?!»

«Мама! Папа! – я едва не начал говорить вслух. – Дайте мне спокойно все обдумать. Я не маленький уже!..»

«Вот именно, что не маленький! – буркнул папа. – Ладно, давай, чтобы все было хорошо...»

Родители пропали из головы, а я начал репетировать речь

для Тары, вспоминая все преимущества женитьбы и готовя непробиваемые аргументы.

Самолет спускался все ниже, я мог уже разглядеть отдельные постройки... Мог, но не разглядывал, судорожно составляя ревизию благих последствий нашего с Тарой брака.

Во-первых, продолжительность жизни и здоровье. Да, в основном надо упираться на это. Тара женщина практичная. Вряд ли ее сильно интересуют моральные аспекты, а вот физические – несомненно. Итак, первым делом напоминаю общеизвестные факты: женатые пары живут почти вдвое дольше, чем одиночки. Кроме того, практически не болеют. Наука объясняет этот феномен двукратным усилением иммунитета после слияния матриц.

Во-вторых, взаимопонимание. При слиянии партнеры чувствуют и понимают друг друга такими, какие они есть. То есть женатый человек имеет дело с настоящей личностью партнера, тогда как в почти-браках мы живем с ложным образом-на-основе-партнера. Образом, который сформировался в нашем уме. И зачастую этот образ так далек от реальности, что не имеет с ней ничего общего. Отсюда невозможность настоящей близости и взаимопонимания в почти-браках.

В-третьих, только в семьях могут быть настоящие дети – подлинно родные существа, а не чужаки, похожие лишь телом, но совершенно отдельные внутри.

В-четвертых, если предположить, что наша древняя рели-

гия – истина, а это вполне может быть, то лишь женатые пары после смерти возвращаются к Богу. Или что-то вроде того... Тут я не специалист и к своему стыду до сих пор точно не знаю, что там говорится в древних писаниях. Надо будет как-нибудь почитать, восполнить пробел. Ладно, что там еще?..

В-пятых, обогащение ума каждого из партнеров эмоциями, знаниями и мироощущением друг друга...

Тут я заметил, что мы давно сели, и все пассажиры вышли. А на меня вопросительно смотрит стюардесса. Я встал и направился к выходу.

«А, хватит голову ломать! – решил я про себя. – Преимущества женитьбы так очевидны, что, надеюсь, мне не надо будет читать Таре лекцию. Просто перечислю как-нибудь, что уже вспомнил. Итак, продолжительность жизни и здоровье – главное. Думаю, даже этого будет достаточно. Если нет, то дальше пойдет: дети, взаимопонимание, расширение матрицы... Религию упоминать или нет? Вот ведь, я даже не знаю, верующая Тара или нет! В храм регулярно ходит. По праздникам. Даже какие-то обряды соблюдает. Но это ничего не значит. Мой отец тоже ходит, при этом – убежденный атеист. С ним понятно, он просто верит в то, что работает. А в храмах почти всё работает. То же слияние матриц, которое папа прекрасно знает по себе. Так что он вполне последователен: верит в храмы, в обряды и в монахов, но не верит в Бога, ибо никогда его не видел и не ощущал. В общем,

с папой – долгая история, хотя и понятная, а вот как с Тарой? Не знаю. О! Надо бы еще составить список недостатков неженатого положения. И вот прекрасная иллюстрация одного из них: я восемь лет живу с женщиной и даже не знаю ее отношения к религии!...»

На всякий случай решил не упоминать религиозный аргумент, уверенный, что хватит и остальных, более земных и понятных.

Нас провезли по компактному взлетно-посадочному полю, и вскоре я вышел из аэропорта, вдыхая родной воздух Вис-Има: теплый, словно парной, приправленный морской солью и пряными ароматами тропического леса...

Эх! Сейчас бы окунуться после поездки! Бросить вещи, разбежаться и через пару минут хорошего бега влететь в воду, разгоняя медуз и пугая крикливых чаек!..

Ладно, потом. Успеется. Сначала разговор с Тарой. Я не хотел тянуть, зная свой характер и склонность откладывать и откладывать важные вещи. Если я сейчас не поговорю с ней... – именно сейчас, пока в голове еще не улеглась родительская взбучка! – то уже завтра подумаю, что надо выждать подходящий, торжественный момент, ведь такие дела второпях не делаются. А через месяц и вообще «забуду», вернувшись в размеренную и привычную жизнь почти-брака...

Надо поговорить сразу. Я сел в такси, улыбнулся знакомому парню, всего год назад прилетевшему на остров. Уже лет двадцать, как я знал поименно всех постоянных жителей

острова. Да и многих непостоянных...

– Домой? – спросил шофер. Я кивнул, и он тут же тронулся, не спрашивая адреса. Помнит. Приятно, хоть и ожидаемо...

Я вытащил сотовый, включил, набрал номер Тары. Вот, кстати, и еще один аргумент в пользу женитьбы: экономия на связи...

Я улыбнулся этой мысли, и в тот же момент гудки в телефоне прекратились.

– Вис?.. Ты откуда звонишь? – Голос был резким и, казалось, раздраженным. А может, я просто успел его забыть.

– Из аэропорта. Скоро буду дома.

– Я так и подумала! – фыркнула почти-жена. – Когда научишься предупреждать хотя бы за пару часов?!

– Извини... – Я смутился.

– Заскочи в магазин, купи... – Тара как будто замялась. – Ну, купи сахара. У нас вдруг кончился. И еще чего-нибудь. Тебе все равно по пути.

– Ладно, куплю. Ты только не убегай никуда. Я... – тоже замялся, понимая, как неестественно прозвучит то, что хочу сказать. – Я соскучился.

– Что ты сделал?!

– Ну, мне надо с тобой серьезно поговорить.

– Поговорим, если надо, – буркнула Тара. – Все, конец связи, у меня аккумулятор садится...

Я недоуменно опустил телефон в карман, попросил свер-

нуть к продуктовому супермаркету и высадить. Мол, дальше я своим ходом. Прогуляюсь...

И чего это с Тарой опять?.. Вот она, неженатая жизнь! Даже не поймешь, что там с ней. То ли настроение дурное, то ли на работе проблемы, то ли... А вот были бы мы женаты!..

Я представил, как читаю мысли Тары и понимаю точно и безошибочно, что ей надо. Каких слов и действий она ждет, от чего у нее беспокойство и как его устранить...

Я так размечтался, что не заметил, как доехал до магазина, вошел в него, сделал покупки и снова оказался на улице.

Минут через десять буду дома. И сразу... сразу!.. поговорю с Тарой насчет женитьбы. Хватит терпеть этот кошмар неясности! Я вдруг подумал, что ее поведение можно объяснить весьма прозаично. Культурой и воспитанием. В почти-семьях не принято афишировать сторонние связи – это дурной тон. Да и не бывает их практически. Но в данном случае не исключено, что прошедшую неделю Тара жила с кем-то из своих клиентов, а мой внезапный приезд не давал ей время привести дом в порядок и спокойно проводить любовника. Отсюда и ее раздражение...

Я остановился как вкопанный. Просто замер посреди улицы, словно отказали ноги. Что со мной?.. Решил тактично выждать время, чтобы не смущать Тару и ее «гостя»? Этакое невольное включение современной морали?..

Но, спустя мгновение, понял, что – нет!.. Из каких-то неведомых глубин моего «я» поднимался древний, дикий

зверь, который вдруг охватил все мое существо. Именно он завладел телом и парализовал его. Я побледнел, потом покраснел, кулаки сжались сами собой. Я стиснул зубы и отчетливо почувствовал, что еще секунду, и этот зверь полностью овладеет телом и погонит его домой. В голове замелькали картинки. Странные, нереальные. Как я врываюсь, хватаю мужчину, в видении похожего на куклу без лица... Хватаю, сворачиваю шею, а потом запрыгиваю на дерево и рву когтями... когтями?!.. и зубами еще теплое тело... Кукла верещит, а я вырываю куски ваты... ваты?!.. и бросаю вниз...

— О, черт! — Я замотал головой и сделал несколько глубоких вдохов.

Помогло. Зверь слегка успокоился и, похоже, больше не претендовал на мое тело. Я огляделся и, поймав несколько заинтересованных взглядов, криво улыбнулся. Мол, все в порядке. Потом медленно пошел по улице.

Неужели отец прав, и в каждом из нас сидят далекие предки? Впрочем, это как раз понятно, но неужели он прав и в том, что эти дикие предки сражались из-за самок, и что открытие сока Дерева Единства было всего лишь способом справиться с... Ревностью? Я произнес это архаичное слово неуверенно. Может оно звучит как «рефность»? И где ставить ударение? Слово давно вышло из употребления и было мне знакомо только по художественной и исторической литературе. Еще одно архаичное слово — «измена». Оно использовалось в фантастической и эмоциональной литерату-

ре, но в современном обществе явления, которое обозначалось этим словом, быть не могло. Я попытался вспомнить словарное определение. «Измена – условное состояние, обычно используемое в романтической литературе, при котором один из партнеров предпочитает находиться не со своим партнером, а с кем-то другим, при этом сохраняя первое партнерство...» Примерно такой вот бред. Надо перечитать, не скажу точно. Я вспомнил пару романов, в которых авторы пытались придумать причины, по которым нежелательное партнерство сохранялось, из чего выходила вполне душевная эмоциональная трагедия. Только вот причины получались надуманные или безбожно натянутые. Так или иначе, в реальной жизни понятия «измена» давно нет. В почти-браках она не имеет смысла, а в настоящих браках – просто невозможна. Разве что теоретически...

Так, успокаивая себя философско-лингвистическими аргументами, я и в самом деле почти полностью пришел в себя.

В конце концов, Тара могла давно уйти к тому, с кем ей приятнее. Но она же восемь лет живет со мной! А ее раздражение и неприветливость на самом деле объяснялась очень просто – моей необязательностью. Я ведь и в самом деле уже много раз обещал сообщать о своем приезде хотя бы за день.

Конечно! В этом все дело. А я тут напридумывал бог знает чего! Неужели я только что испытал... рефрность?! Все-таки, кажется, слово звучит именно так...

Я рассмеялся, вспоминая безумные картинки-образы. Са-

мое забавное, что в них смешалась древняя дикость и современная цивилизованность. Подсознание обросло шерстью, обзавелось когтями и собралось рвать соперника на куски, а цивилизованный ум, не в силах принять такие картинки, превратил жертву в неживую куклу, а куски мяса, которые надо было отрывать и бросать с дерева, в куски ваты... Да, мне до сих пор противно думать, что наши предки были хищниками и ели чужую плоть. Брр!

«Интересно, что бы сказал папа...» – неосторожно подумал я и, так как родители все еще думали и даже говорили обо мне, матрица тут же сложилась.

«Чего, сынок? – услышал я „голос“, который сразу исчез, но вскоре появился вновь: – Ну и бедлам у тебя в голове! У меня аж в висках от напряжения затукало!.. Сейчас... Ага... Так... Нет, здесь ты не прав. Ревность – архаизм только для современных „зверушек“, но не для тех, кто хочет жениться. Понимаешь, одно дело, когда сходятся двое одинок – просто чтобы было с кем „спать“, а другое – когда ты ищешь продолжение себя. И вот ты наконец находишь того, с кем хочешь объединиться. Того, частью которого ты хочешь стать и которого хочешь сделать своей частью. В этот момент, пока объединения не произошло, но ты уже нашел того, с кем хочешь объединиться, ревность возможна. Ревность – это защита своей будущей части от чужаков. Помнишь, я рассказывал свою версию нашей древней истории?.. Так вот, это чувство сохранилось с тех времен. Пусть очень

изменившись, но сохранилось. Ревность – удивительное чувство, доступное только тем, кто собирается жениться. Конечно, после обряда она навсегда исчезает. И это тоже радует, потому что чувство хоть и удивительное, парадоксальное, но мучительное...»

Я вдруг подумал, что впервые меня не покорило слово «зверушки» – любимое отцовское определение современных отношений между полами. Я внезапно ощутил гордость за себя – настоящего сына! А в недалеком будущем – настоящего мужа и настоящего отца!

«Молодец, наконец-то начинаешь мыслить как семейный человек! Тебе надо почаще бывать у нас...»

Родители тактично «отключились», а я, воспрянув духом, решительно зашагал домой. И даже ощутил что-то вроде приятного волнения от предстоящего...

Идти было недалеко. Я на всякий случай еще раз прикинул про себя общую «схему» разговора, перечислил аргументы и вдруг подумал, что я и в самом деле по Таре... соскучился. Слово тоже не слишком употребительное. Так называется желание как можно быстрее увидеть, пообщаться живую с конкретным человеком. Чувство хорошо знакомое нам – взрослым детям женатых родителей. Но было очень необычно испытывать его по отношению к чужому человеку!

Наверное, сказываются восемь лет, проведенные вместе. Мы привыкли друг к другу. У меня даже есть к ней чувства, присущие женатым... Так что моя стратегия работает!

Наверняка, и я стал ей не совсем чужим, не просто заведомо временным почти-мужем, а... а... Может, она и сама подумывает о женитьбе, иначе, зачем она так долго со мной? Подумывает, но, разумеется, ждет предложения от меня. Конечно! Самое разумное объяснение. Хотя... почему тогда она...

Ладно, сейчас не стоит отвлекаться на неприятные мысли. Я должен быть вдохновленным и очень решительным. А то, вдруг отец прав, и женщины в самом деле подсознательно оценивают решительность претендента?

Я вспомнил теорию отца и невольно улыбнулся. В памяти мелькнул эмоционально жестикулирующий образ рассказчика и его слова: «И никакая не теория, а правда жизни!..»

Почувствовал, как опять сложилась матрица, но родители тут же отключились, не сказав ни слова.

«Спасибо!» – подумал я и в приподнятом настроении зашагал к дому, пальмы в саду которого уже были видны. Где-то там меня ждала Тара... нет, не Тара, а моя милая Тари! Моя будущая жена. И больше – никаких «почти»...

Дом мне достался от мастера с женой. В наследство. Лет двадцать... Да нет, уже больше. Двадцать пять? Сейчас посчитаю... Ого! Уже двадцать семь лет прошло, как они умерли. Как-то глупо все получилась. Впрочем, когда смерть бывает очень уж умной?..

Жена старика любила бродить по джунглям в самом сердце острова. Собирала травы, коренья. Знахарка была первоклассная! К ней весь остров ходил лечиться. Я как-то резцом себе по пальцу серьезно скользнул. Глубоко. Прихожу к мастеру, так и так, работать неделю не смогу. Показываю окровавленный палец.

Старик и не взглянул, отправил к жене. Та сделала какую-то пасту, наложила, а к вечеру даже рубца не осталось! Честное слово, не вру! Я сам не поверил, все пальцы оглядел, думаю, может, чего напутал... А они вдвоем только посмеиваются...

Так вот, пошла она однажды бродить по лесу, искать свои травки, а мы с мастером на берегу сидели, катер латали. Вдруг старик побелел весь, а потом вскочил и понесся что есть духу...

Я пока в себя пришел, он уж в лесу скрылся. Я за ним! Но – отстал! Я, молодой парень, не мог угнаться за двухсотлетним! Потом, конечно, все понятно стало...

Жена его пошла к нашей островной реке. Махонькая, не река, а так... В самом глубоком месте – по грудь.

Собирала старушка что-то на берегу, в зарослях. Запуталась, да и подвернула ногу. Упала головой прямо в воду. И так неудачно, что не в песок, а о булыжник. Виском. Сознание и потеряла. В воде!

Старик все это дело увидел, конечно, же. Понесся спасать. Не знаю, с какой скоростью он бежал, но я, едва дыша, догнал его только спустя полчаса.

Опоздал он. Сидел с потухшим взором рядом с женой. Потом взял ее мокрую голову, положил себе на колени и через час умер.

Конечно, женатые больше недели друг без друга не живут...

Но я думал, что хоть пару дней протянет, а он уже при мне... Я сидел рядом с ними и просто плакал навзрыд.

Потом на обряд Возвращения приехали их дети. Младший сын, с которым отец успел связаться перед смертью, буркнул, что бизнес и дом старика теперь мои. И я должен продолжать его дело...

Вскоре все разъехались, а я остался. Растерянный и подавленный. Настолько, что мои родители взяли отпуск и приехали...

Я очень любил стариков. Не знаю, правильно ли так говорить, но они стали родными, хотя и не входили в мою семью. Да, такое бывает. У нас, у настоящих, даже чужие могут стать

близкими...

Я помотал головой, отгоняя невольные воспоминания. Впрочем, они всегда накрывали меня, когда я возвращался откуда-нибудь на остров и снова видел профиль старого двухэтажного дома.

Я прошел двор и взялся за ручку двери...

«У нас, у настоящих...» Я грустно хмыкнул. Уже давно я гораздо больше «такой же, как все», чем настоящий сын женатых родителей. Пора это исправить. Я не опозорю наш род, папа! У меня будет семья, несмотря на правительство с его пропагандой, несмотря на прогресс, несмотря на все объясняющую науку, несмотря ни на что!..

...Я почувствовал правильно – Тара была на веранде. Стояла у окна и смотрела во двор. Я улыбнулся и шагнул к почти-жене.

– Тари... Нам надо поговорить. Прямо сейчас...

Она резко обернулась. Красивая. Точеные черты, словно у мраморной статуи. Только мрамор – темный. У нас в тропиках нет людей, сделанных из белого мрамора...

– Давай, поговорим... Только, пожалуйста, без «Тари». Сколько раз можно просить, чтобы ты перестал со мной сюсюкать? Я не маленькая девочка.

Она сделала несколько шагов и уселась в кресло. Уставилась на меня. То ли выжидающе, то ли насмешливо.

Я хотел подойти и обнять, но после такой отповеди не решился и просто сел в кресло напротив. Да, опять я сделал

промашку. Тара и правда много раз просила не называть ее уменьшительно-ласково.

– Извини. Просто ты знаешь, у нас так принято. Мама никогда папу не зовет официальным «Сеж». Только ласково – «Сежа»... И он ее тоже. Я у них пожил и снова привык, вот и...

– Ладно, не оправдывайся. Давай, говори, что там у тебя.

Я судорожно вздохнул. Вся моя решимость куда-то пропала. За две недели я умудрился забыть вот такую Тару. Да, она красивая, как мраморная статуя, но и такая же холодная... Я пытался сохранить в уме образ выдуманной Тары, который состряпал в доме у родителей и в самолете, но фантом рассыпался, превратившись вот в эту женщину. И тут же – резкое раздражение внутри. Да, это основное чувство, которое я испытываю к Таре вот уже... сколько лет?.. Не помню. Иногда кажется, что все восемь лет и испытываю, но это, конечно же, не правда. И она в моем раздражении не виновата... Просто, наверное, меня выводит из себя не она сама, а состояние почти-брака. Ну, ничего, скоро все исправится...

– Понимаешь, тут такое дело... – начал мямлить я. – Как бы это лучше объяснить...

Пару минут я бубнил что-то невразумительное, потом все-таки поймал «волну» и заговорил сравнительно уверенно и разумно. Тара слушала не перебивая, так что под конец я так вдохновился, что сам остался доволен речью. Я перечислил все аргументы, даже на ходу придумал пару но-

вых, красочно описал перспективы, нашу будущую счастливую жизнь в единстве. Наконец, исчерпав запас красноречия, замолчал и вопросительно взглянул на Тару.

– Понятно, – процедила она. – Примерно чего-то такого я и ожидала.

Она встала и уставилась в одну точку, словно не замечая меня.

– Так что ты думаешь?

– О чем? – Тара рассеяно огляделась. – А вот, он...

Взяла свой телефон с резного столика. Кстати, я сам его делал. Еще при мастере... Не телефон, столик. Очень красивый, из красного дерева...

– Привет. – Тара одним нажатием набрала номер и почти мгновенно соединилась. – Ты уже дома? Нормально добрался?.. Слушай, ты не хочешь побыть моим почти-мужем?.. Что значит, «недавно же виделись»?! Ты же, вроде, хотел. Заметь, я тебе первому позвонила... Да ничего не случилось! Просто мой текущий жениться на мне хочет... Да, еще не перевелись... Причем, самый приколотый знаешь в чем? Я же читала, что не стоит связываться с детьми женатых. Мол, рано или поздно, они все равно потащат... Что?.. Да я не поверила просто, я ведь сама... Ну да все равно... Так берешь в почти-жены или нет?.. Вот и славно, через пару часов буду...

Она выключила телефон, с явным облегчением вздохнула и посмотрела на меня.

– Дорогой Вис, – начала она стандартную, официально

рекомендованную фразу-формулу, – ты был замечательным почти-мужем, но с этого дня...

– Подожди, ты вообще поняла, о чем я говорил?! – Я очнулся и вскочил из кресла. Теперь мы стояли в полутора метрах друг от друга.

– Еще бы не понять... Давай, не порти процедуру, говори, что положено. Если не помнишь, я тебе продиктую: «Ты была замечательной почти-женой. Разумеется, я не против, наоборот, рад, что ты нашла того, с кем тебе лучше. И я...»

– Но почему?!!

– Что «почему»?

– Почему ты не согласна на брак?!

– Ты серьезно спрашиваешь?.. – Я вдруг понял, что при внешнем спокойствии Тара едва сдерживается. Явные признаки: побледнела, губы превратились в бескровные узкие полоски. И еще: она не говорит, а цедит слова...

– Более чем!

– Тогда послушай меня... – Она едва не зашипела, стараясь говорить вообще не раскрывая рта. Но не выдержала и взорвалась, просто начав кричать: – Женатик хренов! Не зря про вас пишут... Ты вообще знаешь, что я – активистка движения за запрещение браков?! Я член общества осознанного одиночества с его основания?! И это ты *мне* говоришь о женитьбе?! Мы провели вместе восемь лет, а ты даже не поинтересовался, чем я живу?!

– Зачем? Ведь ты была только почти-женой... – сказал я,

стараясь говорить громко, но истерику было уже не остановить.

– Хочешь знать, что я думаю?.. Хорошо! Я думаю, что вы – идиоты, цепляющиеся за прошлое! Неспособные принять новое! Ну, какого черта тебе не жилось?! Мы жили мирно и удобно. Моя база процветает, ты в свое удовольствие делаешь доски для серфинга и чинишь катамараны... Чего еще надо?! Какая к черту женитьба?! Кстати... – Она вдруг успокоилась. Так же резко, как и вышла из себя. – Надеюсь, наши деловые связи останутся в силе? Впрочем, куда ты еще денешь свой товар, кроме моей фирмы... Но ведь так удобно было! – Она снова начала заводится. – Я ради тебя даже нарушила рекомендации Комитета не затягивать почти-браки!.. А ты, неблагодарный!..

– Подожди, Тара! – Мне наконец удалось вставить слово. – Но как же аргументы? Я же тебе объяснил...

– Что ты там объяснил?! – перебила она и насмешливо уставилась мне в лицо.

– Ну, про женатую жизнь. Про ее преимущества, я же все рассказал...

– Послушай, дорогой мой бывший почти-муж! Эти твои аргументы – ореха выеденного не стоят. Все они разбиваются в самой маленькой брошюрке по осознанному одиночеству. И заметь, в брошюрке для младших классов! Что ты там мямлил?.. Продолжительность жизни, типа, увеличивается?.. Скажи пожалуйста! А ты в курсе, что женатики дох-

нут, стоит одному из них окочуриться? С какой стати моя жизнь должна зависеть от кого-то? А если тебе завтра кирпич на голову упадет? Почему я должна помирать вместе с тобой?! Я – сама по себе, ты – сам по себе! Мы так родились и нечего выдумывать разные слияния. Нет, вы только подумайте: добровольно ставить свою жизнь в зависимость от чьей-то еще!.. Что там дальше? Дети?.. Дорогой Вис, мне всего пятьдесят, а у меня было уже семеро детей. Я даже не всех помню. И каждый раз я радовалось материнству, всем этим кайфовым чувствам первых лет после рождения ребенка. А что у вас? Ты в курсе, что у женатиков редко бывает больше одного-двух детей? И это при том, что вы живете по двести-триста лет? И не удивительно! Когда каждый ребенок сидит в твоей голове, сто раз подумаешь, прежде чем рожать нового? Зачем это нужно?! Я хочу рожать часто, чтобы испытывать кайф, которым награждает природа, а когда он кончается, менять почти-мужа и рожать снова. Далее, что ты там еще говорил? Расширение матрицы? А нахрена, прости за выражение? Если надо будет, я лучше хорошую книжку почитаю, и матрица тоже расширится. Почему я должна ограничиваться твоей?!..

Я слушал Тару и что-то во мне менялось. И вдруг понял что! Во мне снова просыпается тот зверь, с которым я сладил совсем недавно...

Я смотрел на ее презрительное лицо, на то, как она выплевывает слова... И вдруг перестал их понимать. Правый кулак

стал сжиматься и разжиматься, словно ища что-то... «Подойди и врежь промеж глаз, чтобы замолчала! – промелькнуло внутри. – С женщинами не спорят, ибо неразумны... Не слушай. Бей, хватай и тащи в храм...»

Я невольно шагнул к Таре... Она взглянула мне в глаза и вдруг замолчала, осеклась на полуслове! На ее лице появился испуг, она застыла и не отрываясь смотрела на меня, словно кролик на удава.

Я очнулся и растерянно шагнул назад.

Нет! Никогда! Никогда я не смогу ударить женщину! И никакие древние предки не заставят меня!.. Я хочу подойти, обнять, ласково поцеловать и сказать: «Милая Тари, будь моей...» Почему же вместо этого я должен... А что я должен?..

Видимо, из моих глаз пропал удав, потому что Тара немедленно пришла в себя и снова насмешливо заговорила:

– Ладно, какой смысл тратить на тебя время, что-то доказывать... Я ухожу. Младшего забираю с собой, он только говорить начал, с ним прикольно, а со старшим сейчас решим...

Она взяла телефон и набрала номер:

– Тим, ты где?.. В школе?.. Хорошо... Слушай, я тут почти-мужа меняю, ну, твоего почти-отца. Ты со мной идешь?.. Нет? Ну, ладно тогда – удачи в жизни, рада была побыть твоей почти-матерью. Ты был хорошим почти-сыном. Удачи! – Она бросила телефон в сумочку и повернулась ко мне. – Те-

бе тоже счастливо, ты был хорошим... А, сам знаешь! Давай без формальностей. Вечером пришлю машину за своими вещами...

Я стоял посреди опустевшей веранды и тупо смотрел на солнечную полоску, которая не торопясь подбиралась ко мне... Вдруг дважды подавленный зверь овладел мной, я сцепил руки, размахнулся и со всей силы, словно топором, ударил по любимому резному столику. Он с треском разломился на две части, а я почувствовал облегчение и удивление:

– Ничего себе... Попробовал бы кто-то из этих, из... зверушек!.. Да! Попробовал бы кто-нибудь из них повторить такое!..

Я упал в кресло, равнодушно потер ушибленные руки...

«Папа! Мама!» – сосредоточенно позвал я про себя.

«Как ты?..» – они отозвались почти мгновенно.

«Высылайте свадебную кость! Я сдержу слово. У меня больше не будет почти-жен. Только настоящая!.. Или – никакая!..»

В комнате Тары на втором этаже царил полумрак, несмотря на разгар дня. Просто все окна были завешаны – хоть какая-то защита от жаркого тропического солнца. Я включил кондиционер и свет.

Шкаф, роскошная водяная кровать с подогревом и охлаждением – с одной стороны комнаты, трюмо и книжная полка – с другой. Вот и все. Это ее спальня. Моя – внизу. Но здесь я тоже иногда ночевал – мы здорово кувыркались на ее замечательной постели. Особенно с включенным виброрежимом... Она ее заберет, конечно... Жалко.

Я перебирал книги. Раньше мне даже в голову не приходило посмотреть, что Тара читает. Зачем? Ведь она была всего лишь почти-женой...

А надо было...

Одни названия чего стоят: «Энциклопедия одиночества», «Феномен слияния – „за“ и „против“. Всесторонний научный анализ», «Я – одна. И это здорово! 100 правил женского одиночества», «Манифест осознанного одиночки», «Путь к ясному сознанию, или Никаких чужих эмоций в моей голове!»

А вот, несколько художественных... Что там?... Ого! «Убить мужа». Ну и название! Детектив, наверное. Фантастический. Хотя странный подзаголовок: «Свобода дороже

жизни»...

Я открыл книгу, прочитал аннотацию: «Молодая женщина Ката живет в свое удовольствие и не ведает, какие тучи сгустились над ее головой. Она пользуется государственными грандами для молодежи, но вскоре, как это водится, устает от беззаботной жизни и устраивается на работу. Ей интересно. Новые знакомства, какие-то обязанности... В соседнем отделе работает юноша, приехавший из отсталой деревни. Он начинает ухаживать за Катой, но та всячески избегает странного парня. Наконец он делает предложение. Девушка думает, что это шутка и отвечает соответственно, мол, почему бы и нет? Парень вдохновляется и уже на следующий день ведет Кату в храм. Она понимает, что здесь уже не до шуток. В ужасе кричит и пытается убежать, но парень, приняв ее поведение за ритуальное, догоняет и оглушает невесту, как до сих пор принято у них на родине. Ката приходит в себя и обнаруживает, что она уже не одна...»

Я заинтересовался и стал листать книгу. Вскоре, меня от нее начало тошнить, но я все равно читал, желая узнать, чем там дело кончится...

В общем, главные герои поженились. Парень, оказавшись в голове у Каты, с удивлением обнаружил, что та его ненавидит, а Ката поняла, в какую ловушку попала. Дальше шло страниц сто разных надуманных переживаний и перипетий, которые сразу выдавали автора с головой... Уверен, она даже не дочь женатых родителей. И, тем более, сама не замужем!

А туда же, пишет романы на такие темы!.. Я посмотрел задний форзац, где обычно печаталось полное имя автора. Так и есть. У детей из семей три имени – свое, отца и родовое. А у остальных – только свое. Плюс произвольное слово, заменяющее фамилию. Автора звали Тала Снежнаявершина. Видимо, романтическая девушка была, раз выбрала себе такое имя на обряде совершеннолетия...

Я пролистал страниц двести и принялся за последнюю главу. Все-таки интересно, чем эта Снежнаявершина закончит свою выдумку...

В борьбе и страданиях прожив сто лет в единстве с ненавистным мужем, Ката вдруг начинает мечтать его убить, но муж только смеется. Ведь он прекрасно знает, чем это грозит самой Кате. Кроме того, очень сложно убить человека, который свободно читает твои мысли... Но Ката, доведенная до отчаяния, воспользовалась ситуацией... Опять столько притянутых за уши моментов, что я просто не понимаю, как такое... извините, говно, можно читать всерьез!..

В общем, она застаёт мужа врасплох, когда он спал, и с криком: «Теперь я свободна!» втыкает ему нож в сердце.

А потом еще на десяти страницах описывается, как эта «героическая женщина» боролась за жизнь. Вот пафосная концовка, от которой меня едва не стошнило:

«Ката лежала почти без сознания. Она уже вторую неделю жила одна. Вдруг женщина пришла в себя, и врач понял, что это последний всплеск перед смертью. Доктор засутил-

ся, но Ката лишь улыбнулась и спокойно произнесла:

– Я ни о чем не жалею... Эти две недели были самыми счастливыми днями в моей жизни. Две недели свободы!.. Да... Это именно то, ради чего стоит умереть...»

Я не выдержал и с отвращением бросил книгу на кровать. Стал перебирать остальную библиотеку и нашел еще с десятков подобных изданий... Женская проза... Что тут скажешь?.. Мужчинам лучше обходить ее за километр, если дороги нервы и рассудок. А ведь есть, я знаю, прекрасные книги о счастливой жизни женатых пар. И не только классика, а и в формате женского романа. Но у Тары нет ничего подобного... Похоже, у нее вообще нет ни одной книги, написанной женатыми или хотя бы детьми женатых. А ведь, что бы там ни говорили, все значительные художественные произведения написаны именно нами... Не эти современные книги-однодневки, а действительно стоящие... О! Тройная фамилия!..

Я с интересом задержался на книге, явно написанной кем-то из наших. Потом сообразил, что это из моей библиотеки. Тара, видимо, взяла почитать, пока меня не было.

Кстати, очень хороший роман. В жанре альтернативной фантастики. Я такие люблю. Автор построил сюжет на допущении, что наши далекие предки не нашли Древо Единства и, соответственно, остались хищниками. Правда, доказываться связь между этими вещами довольно нудно. Боюсь, что Тара просто не осилила вторую главу... Хотя суть там очень

простая и не стоило ее так разжевывать. По мнению автора без Дерева Единства и настоящих браков, между нецивилизованными самцами оставалась бы конкурентная борьба за лучшую самку, за лучшее жилище, где эту самку держали, за территорию... Следовательно, вместо того, чтобы стать нежелательной помехой в развитии, агрессивность стала бы необходимостью. А значит, разумный и благоприятный в стабильном сообществе отказ от убойной пищи, которая дает агрессивность, тоже бы не произошел. Более того, автор начинает описывать цивилизацию, которая бы могла сформироваться при таком допуске. И вот здесь, после нудного вступления, у автора наконец включается фантазия... Он описывает мир, развитие которого стимулируется гонкой агрессивности. Наши предки якобы стали объединяться в племена, а целью этого объединения было не увеличение благополучия, как у нас, а защита от агрессии других групп-племен или, наоборот, захват чужих территорий, чужих самок и изобретений. Автор ввел много новых слов. Например, шокирующее понятие «война». Это когда ради достижения какой-то цели одна группа людей пытается уничтожить другую. При таком раскладе все силы человечества уходили на изобретение все более совершенных орудий истребления себе подобных. В конце концов автор описывает совершенно кошмарное общество, где большинству людей не достает самого элементарного. Даже пищи!..

Я помню, какое впечатление оказала книга на меня в пер-

вый раз. Я еще думал, как здорово, что в нашем мире нет этого безумия. И так столько душевных, эмоциональных проблем и переживаний, а если бы к ним еще добавились физические. Необходимость зарабатывать деньги, без которых не выжить... Бред какой! У нас никто не обязан работать. Уж что-что, а пища, жилье, необходимые вещи – это само собой разумеющееся. Понятно, на путешествия и роскошь нужны деньги, но... Кстати, почти все что-то делают, хотя и не обязаны. Потому что продолжительное безделье – это самая изощренная пытка...

Я когда в молодости завис на этом острове, вообще ничего не собирался делать. И чисто экономически мог бы прожить так всю жизнь. На острове было несколько бесплатных столовых, на мой счет каждый месяц автоматом падала небольшая сумма от государства... Но через месяц мне надоело и море, и солнце, и безделье!

Я листал книгу, читая то один абзац, то другой. И по ним строя-вспоминая роман целиком. Неожиданно зачитался. Как раз кусочком, где очень живописно рассказывалось о нищем мальчишке («нищий» – это когда денег так мало, что не хватает на необходимое), который жил в норе и питался отбросами. И которого в конце концов загрызли собаки...

Я так расстроился, что не сразу услышал радостный детский голос:

– Вис! Вис! Ты где?..

Тима пришел из школы... В сердце екнуло, но потом я

вспомнил, что это всего лишь почти-сын.

– Я здесь, наверху, в комнате Тары.

Появился довольный семилетний пацан.

– Привет! – сказал он, переведя дыхание. Видно, очень спешил домой. – Наконец-то вы разошлись, а то надо мной уже в школе смеются – семь лет и все с одними и теми же почти-родителями!.. Так, как там? Я же только что помнил... – Он на секунду задумался. – Уважаемый Вис! Ты был хорошим почти-отцом, но теперь, когда вы с почти-мамой разошлись...

Я выслушал сбивчивую речь и долго смотрел на почти-сына. Потом сообразил, что он ждет от меня ритуальных слов. Я откашлялся, вспоминая... Как же давно мне не приходилось этого говорить!..

– Дорогой Тим, ты был замечательным почти-сыном. Ты отказался остаться с почти-мамой, поэтому, если хочешь, можешь оставаться со мной до своего совершеннолетия.

– Ну, нафик! – воскликнул Тим, но осекся и вытащил из кармана шпаргалку. – Спасибо за предложение, дорогой почти-отец, но я предпочитаю интернат...

Я пожал плечами. Еще десять лет назад дети могли выбирать, с кем оставаться и оставаться ли вообще, только после четырнадцати лет. Сейчас – уже в семь...

– Ты правда думаешь, что тебе там будет лучше? – на всякий случай спросил я.

– Уверен! – закивал мальчик. – У нас полкласса ждут, ко-

гда их почти-родители разойдутся, чтобы скорее стать самостоятельными. Нам же почти всем уже семь лет!

– Но чем плохо остаться у меня? Тебе чего-то не хватает?..

– Шутишь?! Я у тебя с пяти лет компьютер просил, а где он?! Нету... В интернете у меня будет своя комната с информационным экраном на сотню каналов, свой компьютер с выходом в сеть, личная библиотека, игры... Да и вообще, когда долго живешь с одними и теми же почти-родителями, начинаешь к ним привязываться и перестаешь быть самодостаточным одиночкой. Это нам еще в детском саду объясняли.

– А ты?..

– Что я?

– Ну, мы же вместе всю твою жизнь? У тебя появились какие-то чувства ко мне, к почти-маме?..

Тим вдруг помрачнел, понурился и едва слышно забубнил:

– В том-то и дело. Я вроде радоваться должен, а внутри, как задумаюсь, словно скоблится кто-то. А ведь я уже большой, должен понимать, что вы – личности, я – личность. И что мы отдельные. И так будет всегда, а все эти чувства – фантомы, нереальные переживания, осложняющие жизнь...

Я понял, что он повторяет слова учебника. Что я мог возразить?.. Он никогда не был и не будет сыном, родители которого всегда рядом. Даже не рядом, а внутри друг друга!.. И он никогда не решится на женитьбу, а значит и не узнает,

что такое быть по-настоящему не одному. А раз этого не будет, то, может, и правы составители школьной программы, которые учат детей смириться со своим одиночеством...

Может, даже и правительственная программа «осознанного одиночества» – меньшее зло по сравнению с повальными женитьбами кого попало на ком попало?..

Я ужаснулся своим мыслям. Отбросил их и взглянул на почти-сына:

– Знаешь, Тим... Ты хороший мальчик, и я бы хотел, чтобы ты был моим настоящим сыном...

– Что?.. – мальчик не сразу сообразил, что я сказал. Потом понял, вспыхнул, хотел высказаться, но взял себя в руки и спокойно сказал: – А я бы, наверное, не выдержал, зная, что все мои мысли могут читать посторонние...

– Не посторонние, а родители!

– Ты серьезно? Может, еще и жениться собираешься?! – он засмеялся.

– Собираюсь...

Тим фыркнул, потом беспокойно завертелся:

– Ну, я пойду?.. Можно, заберу свои вещи? Все равно они тебе не понадобятся, а я к ним привык.

Тим исчез из комнаты, а я вспомнил свои недавние мысли. Ведь я почти ничего не знаю о правительственной программе... Наверняка там неглупые люди сидят.

Я еще раз перебрал библиотеку Тары, выбрал несколько научно-популярных книг и спустился вниз. На веранде было

хорошо, с моря дул ветер... Подумалось, что я так и не испытался после приезда, но идти куда-то не хотелось. Поэтому забрался с ногами в кресло и стал читать...

«...Совет 54. Старайтесь избегать уменьшительных форм имени. Официальное обращение позволяет относиться к почти-мужу (почти-жене), как к деловому партнеру, что гораздо практичнее и ближе к истине в отношениях почти-брака...»

Вот и объяснение странной «аллергии» Тары на ласковое «Тари». Я отложил брошюрку с дурацкими советами, взял книгу потолще и тоже открыл примерно посередине.

«...отсюда вытекает естественность одиночества. И действительно, как бы вы ни старались, ваша личность остается отдельной. От рождения до смерти. Но, – обратите внимание! – только кажется, что это ужасно. Только кажется, что одиночество – это проклятие человеческого рода. Как может быть проклятием то, что неизбежно и естественно?.. Наши оппоненты могут возразить, почему же нечто естественное приносит столько страданий, ведь фактически каждый человек испытывал так называемые муки одиночества. Они считают, что это как раз указывает на неестественность одиночества. Но самая простая логика подсказывает, что желание чего-либо не доказывает естественность того, о чем мы мечтаем. Например, каждый человек хоть раз в жизни мечтал летать, как птица. И даже вполне серьезно переживал по поводу невозможности умчаться в небо и „кувыркаться в мяг-

ких облаках, словно в подушках“. Тем не менее, я думаю никто с этим не будет спорить, для человека естественно ходить по земле... Точно так же, почти все люди испытывают желание близкого общения, которое делало бы нас неодинокими. Но необходимо осознанно принять тот факт, что это невозможно. Подобно тому, как невозможно просто так оторваться от земли и унести в небо. По-настоящему близкое общение, которое якобы сделает нас неодинокими, невозможно, потому что каждый из нас – это отдельное тело со своими привычками, со своими желаниями и потребностями. У каждого свой ум, который закрыт от других. Мы можем поделиться отдельными его колебаниями, пользуясь вербальной связью, но это все равно, что океан и брызги прибоя. Точно такая же разница в масштабах. Конечно, мне возразят, а как же слияние матриц?.. Но это все равно, что приделать человеку искусственные крылья. И он даже сможет летать, но мы сейчас говорим о том, что для человека естественно. Подробнее о так называемом слиянии мы поговорим в соответствующей главе...»

Я тут же стал искать «соответствующую главу». Листание не помогло, так что пришлось открыть оглавление. Ага, вот: «Что такое брак по сути? Без религиозных догм и фанатичных эмоций „женатиков“. По сути – это всего лишь этап в развитии человечества. Да, в далеком прошлом брак был необходим и благоприятен. Он позволил мужчинам прошлого свести конкуренцию за самку к нулю, благодаря че-

му начал формироваться настоящий цивилизованный разум, направленный не на поиск пищи и борьбу с окружающими, а на постижение мира, природы, на творческую самореализацию. Именно благодаря этому начался бум изобретений, облегчающих жизнь... Но уже много сотен лет никакой необходимости в браке, в этом принудительном рабстве, нет! И только монахи, – по понятным причинам, – все еще цепляются за прошлое. Да последние женатые пары, которые так привыкли к рабству, что не хотят с ним расставаться. Да и не могут! Мы можем им посочувствовать. И порадоваться за себя и будущие поколения, когда само понятие женитьбы станет столь же архаичным понятием, как и „конкуренция за самку“. Слово одиночество вызывает в нас не слишком приятные чувства, но это всего лишь отзвуки прошлого, когда язык только формировался и наделял „опасные“ понятия депрессивной этимологией. Именно поэтому мы рекомендуем заменять слово „одиночество“ положительно-нейтральными понятиями „индивидуальность“ или „осознанная независимость“. В крайнем случае – „осознанное одиночество“, ибо первое слово нейтрализует семантически кажущуюся вынужденность второго понятия...»

Я продолжал читать, но вдруг поймал себя на том, что делаю это механически, не понимая смысла. Встряхнулся и попытался снова, но скучный разбор значений слов опять едва меня не усыпил, так что я взял следующую книгу...

Не помогло.

Я на минуту закрыл глаза и вдруг понял, как же мне паршиво внутри! И дело тут не в чтении. Наоборот, именно с его помощью я пытаюсь заглушить молчаливых «кошек», царапающих внутренности. Не про этих ли самых «животных» говорил Тим?..

Я открыл глаза и со вздохом положил все книжки на пол. Жалко, что столик сломан...

Меня действительно почти не задевало то, что написано в этих книгах. Вначале, конечно, было смущение, потому что аргументы звучали довольно здраво. Я успел просмотреть не так много, но все равно попал под влияние и на минуту подумал, а ведь в этом что-то есть! Но потом внутренне рассмеялся. Я поймал себя на образе, будто только что прочитал научную работу слепцов, в которой доказывается, что солнца нет.

«...Некий огромный шар, плывущий по небу, который согревает и освещает целый мир... Даже само это описание „солнца“ абсурдно и не достойно анализа настоящего ученого. Наши оппоненты могут возразить: если солнца нет, то откуда берется тепло и свет?.. Что такое свет мы не знаем, ибо это еще одно понятие, выдуманное теми, кто якобы видел солнце, но феномен тепла можно объяснить гораздо более простым способом, без привлечения неких „шаров, катящихся по небу“! Возможно, нашим диким предкам было проще объяснить...» Ну и так далее.

Наверное, изучив подобную работу, зрячий человек

на мгновение засомневается и задумается, но стоит ему снова увидеть восход...

Я помню свое детство. С самого младенчества. Это прекрасное ощущение единства с мамой, потом с папой. Светлое переживание, словно внутри два ангела, которые никогда не оставят и все понимают. Помню, что долго не мог сопоставить этих внутренних ангелов и двух странных существ, которые появлялись в поле зрения, когда я просыпался. Наверное, думал, что ангелы посылают этих существ, чтобы накормить и перепеленать меня... Я никогда не был один... Я не знал, что такое одиночество. Узнал потом, когда сильно оторвался от родителей, но не женился. Хотя даже без матричной связи мое одиночество было светлым, ведь я знал, что родители есть, что они думают обо мне, а я о них. И что стоит мне снова приехать и увидаться, как связь восстановится...

Конечно, нельзя по ощущениям детства понять, как воспринимают друг друга супруги. Это очень различные переживания. Супружество намного сложнее, но, подозреваю, и переживается сильнее. Потому что дети в конце концов потихоньку отходят, а когда сами женятся, то в большинстве случаев вообще перестают слагать матрицу с родителями. Но муж и жена – вместе навсегда, от обряда слияния и до конца, до обряда возвращения. Да и слияние матриц у них настоящее, полное, а не отраженное, как у родителей с детьми. В этом и проблема, потому что с детством – понят-

но, но как могут два взрослых человека внутренне слиться и при этом успешно? С точки зрения логики – невозможно. И получается, что авторы вон этой макулатуры, валяющейся на полу, правы... Но я «видел солнце», если вернуться к метафоре... Пусть не само, а его зарево, но этого достаточно, чтобы поверить в существование огромного светящегося шара. Наверное, есть какой-то секрет, что-то очень личное, позволяющее супругам быть едиными и разделенными одновременно. Конечно, глупо соединяться наугад, а то может получиться, как в романе этой... как ее?... Снежной вершины... Но наверняка есть некий секрет. Иначе бы не было настоящих семей. А я знаю их сотни... Ну, десятки... Моя семья – раз, семья Каны...

Кана... Интересно, как у нее дела?..

В сердце что-то изменилось, а мысли потекли совсем в другом направлении.

Обычно, как минимум один раз в год, мы с ней встречались. Потому что она меняла почти-мужей раз в год. И каждый раз звонила и говорила, как ей паршиво, и что ей необходимо со мной встретиться.

Мы встречались, говорили, шутили... Она приходила в себя, а через пару дней находила нового почти-мужа и снова на год пропадала. Странная!.. Так переживать из-за почти-мужей!.. Впрочем, теперь я ее понимаю... А, вот в чем дело! Дошло, наконец, что это за «кошки» внутри – это боль несбывшегося... Для того, кто ищет семью, каждый по-

чти-муж или почти-жена – это поражение. Уверен, Кана, как и я, ищет настоящего.

Мне вдруг так захотелось ей позвонить!..

А почему бы и нет?.. Ей наши встречи помогают, может, и мне полегче станет. И я с новыми силами буду искать жену. Теперь уже решительно и бескомпромиссно. И даже эту кошмарную кость поставлю в спальне на видное место, чтобы не забывать. Из футляра, конечно, вынимать не буду...

Я взял телефон и набрал номер Каны. Палец нерешительно замер на кнопке вызова...

Может, не стоит?.. У нее очередной почти-муж, а тут я. Некрасиво, наверное...

Палец заметался между кнопками с зеленым и красным «телефончиками». Потом все-таки остановился на зеленом и нажал.

– Привет! – раздался хорошо знакомый голос. – Ты не поверишь, но я так и знала, что ты позвонишь! Вот только что почувствовала и даже решила, если не позвонишь, позвоню сама!

– Правда? – Я улыбнулся, слушая возбужденный голос Каны. Она рассмеялась.

– Супер! Кстати, я уже это не первый раз замечаю.

– Слушай, ты вот сейчас сказала, и я тоже вспомнил, что иногда предчувствую твои звонки. Забавно... Как у тебя дела?

– Неплохо, – голос сразу помрачнел. – Собираюсь завтра

сменить почти-мужа. Этот достал уже...

– Кани, а чего ты детей не заводишь, говорят, они помогают почти-брак продлить?

– Издеваешься? Зачем мне зверушки? Нет, я хочу настоящих. Я только в браке детей буду...

– А чего тогда замуж не выходишь, если сама хочешь?

– Да так... А сам? Не женился еще?

– Нет. Сегодня предложение сделал Таре...

– А, это с которой вы уже бог знает сколько времени живете?.. И что? – Наверное, мне показалось, но в голосе Каны прозвучала какая-то напряженная нотка.

– Ушла...

– Понятное дело!.. – выдохнула Кана.

– Слушай, мне кажется, или ты действительно злорадуешь?!

– Я?! Да ты что?! – рассмеялась Кана. – Да я жду не дождусь, когда мой милый Виса найдет свою единственную. Хоть на свадьбе погуляю. Сейчас это такая редкость... Ты же меня на свадьбу пригласишь?..

– Конечно... – Я успокоился и стал думать, сказать ей о своем желании встретиться или подождать до завтра, когда она сменит почти-мужа и позвонит сама.

– Слушай, Кани, я чего звоню-то... На душе, знаешь, паршиво, просто места себе не нахожу. Читаю тут всякую фигню, размышляю, а внутри ноет и ноет... Давай, встретимся?.. – Я замер, ожидая ответа.

– Давай! Тогда я до завтра тянуть не буду и прямо сейчас расстанусь с почти-мужем.

– Обязательно тебе надо какую-то практическую выгоду извлечь! – пошутил я.

– Почему бы и нет, раз так удачно складываются обстоятельства? – хмыкнула она. – Ну, я пошла готовить самолет?..

– Я тоже переодеваюсь и выхожу. Где встречаемся?

– Давай там, где впервые увидели друг друга? – Наша почти традиционная шутка.

– Боюсь, не доплыву... – традиционный ответ.

– Тогда ты знаешь где...

– До встречи, Кани...

Я отложил телефон и потянулся. Тошнотворного ощущения внутри – как ни бывало! Оно сменилось странным, щемящим возбуждением. Теперь главное чем-то заняться эти два часа, пока Кана летит со своего острова...

И чем же?! Нет, просто пойду как можно медленнее на наш маленький пляж. Искупаюсь, обсохну и... томительное, но такое приятное ожидание... Устроюсь на теплом песке и буду смотреть вверх, выглядывая летающую девушку, которая когда-то свалилась ко мне с неба...

Небо как будто и не думало темнеть... Притаилось, чтобы внезапно «выключиться». Там, где я родился, такого «безобразия» не бывает. Солнце садится медленно, нерешительно, словно раздумывая. Мне так больше нравится. А тут ночь наступает быстро. Но я уже привык. Тем более, что звездное небо здесь не в пример нашему, северному, которого и не видно как правило. Здесь ночное небо прозрачное и глубокое, обильно усыпанное звездной пылью... Сегодня с Каной мы обязательно будем долго-долго любоваться на это бездонное чудо.

Я успел искупаться и погреться в слабеющих лучах после-полуденного солнца. Теперь сидел и ждал, выводя на песке незамысловатые узоры.

...Едва различимый шум, не гармонирующий с прибором. Приближается. Да, милая Кани летит... Самолет покружил надо мной, потом отлетел в океан, развернулся и приводнился. Покатился к берегу, быстро сбрасывая скорость.

– Ф-ф-шшшш-х! – Загнутые лыжи-шасси легонько въехали в песок. Как она наловчилась!..

– Привет, Виса! – Кана выскочила из кабины и остановилась, то ли разглядывая меня, то ли давая полюбоваться собой...

Я поднялся. Смотрю на ее лицо, улыбку... Волосы завяза-

ны в пучок, но она, словно читая мои мысли, вынимает заколку... Как всегда загорелая... Светлое платье. Специально для меня, несмотря на неудобства. Кана обычно одевается в джинсовый костюм, в котором похожа на парня. Конечно, на самолете брюки удобнее, а вот для свидания...

– Что это у тебя? – Я подошел, намереваясь обнять, но заметил в руках Каны здоровенный пакет. Или сумка? Как я ее сразу не увидел?... Наверное, был слишком занят самой Каной.

– Подожди... – Она бросила загадочную ношу на песок и повисла у меня на шее. Потом чмокнула в щеку, прыгнула и присела рядом с пакетом. – Сейчас покажу. Классная штука... Где-то здесь...

Она что-то нажала, потом дернула, и пакет вдруг зашипел, начав быстро расти. Вскоре перед нами стояло довольно объемное надувное кресло.

– Фу, Кани, почему ты такая неромантическая?! – возмутился я. – Ночное небо, море, песчаный берег и... резиновое кресло!

– А что? По-моему на диване гораздо удобнее слушать шум моря и смотреть на небо, раз ты это так любишь. Я бы лучше в кафе посидела, если честно.

– Пойдем и в кафе, когда замерзнем, – вздохнул я.

– А еще после наших свиданий я неделю песок отовсюду выскребаю.

– Да ну тебя! Один раз искупаться, да и все...

– Это тебе «один раз», потому что у тебя «ежик» на голове, а у меня, как ни как, волос много. Иногда такое ощущение, что крабы в голове заведутся... Ну, Виса, давай на диване посидим? Смотри, какой он широкий и удобный!

– Ладно. – Я первым уселся в кресло и попрыгал. Вообще-то, забавно... Кана засмеялась и бухнулась ко мне на колени. Я обхватил ее правой рукой за талию, а левой за грудь. Легонько поцеловал за ухом...

Она замерла, я тоже... Такое спокойствие и радость. Просто ощущать друг друга... Теперь надо дожидаться захода и звездного неба... Уже скоро...

Я начал целовать ее шею. Нежно, едва заметно. Кана не шевелилась. Мои руки сами собой гладили... Левая гуляла по груди и вдруг нащупала что-то маленькое и твердое, чего раньше не ощущалось, и принялась теребить... Правая забралась под платье и... Вот почему я не люблю брюки на девушках... Ой!.. Я сообразил, чем занимаются мои руки и почувствовал возбуждение. Ничего, сейчас пройдет. Я продолжал ласково целовать и гладить Кану. Она немного повернулась и теперь могла отвечать тем же... Вскоре сексуальное возбуждение ушло и осталась только нежность. Чистая нежность ощущения друг друга. Мы не заметили, как стемнело. Прикосновения, поцелуи, ласки... Да, они чисты, когда это не прелюдия к банальному сексу, а самодостаточная нежность. Грубая похоть тает, словно ведьма из сказки, остается только светлое умиротворение...

Впрочем, есть и еще одно условие, без которого почти невозможно преодолеть соблазн превратить нежность всего лишь в слугу животного наслаждения. И это условие – невозможность этого превращения...

Осознанная невозможность, конечно, не физическая.

– Слушай, какой ты зануда, когда начинаешь все объяснять, да еще в самый неподходящий момент! – вдруг воскликнула Кана и даже попыталась отстраниться.

– Подожди, я что, ненароком вслух говорил?! – ошалел я и крепче прижал ее к себе.

– Ой... – Она озадачилась, потом смутилась. – Извини... Мне вдруг показалось, что ты зачем-то начал мне объяснять, почему мы не можем с тобой создать почти-брак...

– Правда?.. Странно. Я ничего не говорил, у меня рот был... занят...

– Зануда и пошляк к тому же! – рассмеялась Кана, но снова прильнула и стала перебирать мои волосы.

– Хотя действительно размышлял об этом, – признался я. – А как ты объясняешь, почему?.. Ведь, вроде, ничего не мешает сказать: «О Кани, побудь моей почти-женой!», затем медленно стянуть с тебя это тоненькое платье, бросить его ветру, обхватить тебя покрепче, а потом... можно на диване, можно в песке или в прибое... Ведь и мое тело хочет этого. И твое. Так ведь?..

– Хочет, – кивнула Кана. – Иногда просто неумогу. Так и рвешься воскликнуть что-то вроде: «О, Виса, возьми меня

наконец!» Но в жизни это явно не звучит. Хотя в романах мне такие моменты нравятся. Так вот, иногда здорово ты меня доводишь, но потом отпускает и вдруг становится так хорошо... Не так, как после секса. Там «хорошо», потому что кайф, а в душе зачастую – погано. А здесь – просто хорошо.

– Почему так?

– Ну, ты же сам сказал, что когда нежность не слуга сексуального инстинкта, а сама по себе, она остается чистой, божественной что ли. Мы оба знаем, что не хотим секса друг с другом... Вернее, хотим, даже очень, но знаем, что его не должно быть. А раз его не будет, то и наши эти нежности телячьи не потому, что мы собираемся трахаться, а просто потому, что нам хорошо вместе.

– Да это понятно. Я спрашиваю, откуда такое неприятие... Как думаешь?

– Неприятие чего?

– Ну, того, что мы могли бы побыть друг для друга почти-мужем и почти-женой. Ведь, если, например, ты попросишь, я, как ты выразилась, потрахаюсь с тобой. Не вижу никаких препятствий.

– Ну, если ты предложишь, я тоже не откажусь. Только заметь, что стоило нам заговорить о сексе, как даже то возбуждение, что было, пропало.

– Вот я и спрашиваю, почему так?..

– Ну, я ощущаю почему, но как-то сформулировать не могу. Давай, подумай. Может, у тебя получится.

– Хорошо... – Я немного расслабился, усадил Кану рядом, крепко обхватив одной рукой, и откинулся на пружинящую спинку. – Смотри, какая луна...

Мы смотрели на небо. Вроде, ничего не меняется: каждую ночь – одни и те же звезды, одни и те же созвездия, разве что луна то худеет, то полнеет... Одно и то же, но любоваться можно каждую ночь. И не надоедает... Время остановилось, и я даже забыл, что над чем-то размышляю. А когда вспомнил, ответ появился сам собой.

– Я понял. Мы боимся, что станем друг для друга точно такими же зверушками, как остальные наши... Нет, не так. Я боюсь, что ты станешь для меня точно такой же, как все мои почти-жены. А ты боишься, что...

– Да, я тоже поняла! – перебила Кана. – Я могу пойти после нашего свидания и найти себе почти-мужа. А вот где я найду другого Вису?.. Если ты станешь для меня на один уровень с почти-мужьями, мне не к кому будет убегать и не кому плакаться при очередной неудаче... Нет, все равно как-то глупо звучит, не могу я толком объяснить свое ощущение! Кстати, после наших встреч я иногда по целому месяцу даже и не думаю о новых почти-мужьях. Противно... Потом проходит, конечно.

Кана принялась что-то оживленно говорить о разных своих почти-мужьях. Обычно она молчалива, но иногда – находит. Из-за нее не было слышно моря. А ведь именно сейчас, ночью, когда его почти не видно, плеск совершенно особен-

ный. Таинственный и объемный. Днем на него не обращаешь внимания, потому что видишь набегающую волну и прекрасно понимаешь, откуда берется шум. Но он внешний, заглушающий нечто гораздо более важное. Ночью не так. Ты напрягаешь слух и вдруг понимаешь, что шумит не набегающая волна, а сам Океан. Целиком.

– ...представляешь, я ему говорю: ты же сын женатых родителей, так почему ведешь себя, как... Тут я высказалась! Да, грубовато, но он сам виноват. И что ты думаешь эта скотина сделала? Пошел жаловаться. Меня потом даже оштрафовали немного. По статье «Зарегистрированный факт гражданского оскорбления». Впрочем, сама виновата. Целых два месяца с ним жила, думала, что раз сын...

Мне хотелось слушать океан. Что же делать?.. Впрочем, есть один старинный, банальный, но от этого не менее действенный способ.

Я притянул к себе Кану и поцеловал в губы. Потом еще и еще... Наступила тишина, в которой через минуту можно было различить гул океана.

– Слышишь? – шепнул я спустя полчаса.

– Угу, – буркнула Кана. – Только мне холодно становится.

Мы по-хитрому, словно змеи в брачный сезон, переплелись. Сразу согрелись, а местами – даже слишком. Но вскоре откуда-то появился совсем не теплый ветер, так что мы встали и, ежась, пошли с берега в ночное кафе.

За столиками никого не было. Работники ночной смены

в полном составе сонно пилились в информационный экран, по которому передавали какую-то спортивную муру. На маленькой, уютной сцене два музыканта играли в шахматы. Увидев нас, оживились. Один, наверное, проигрывающий, смешал фигуры и достал инструмент...

Я знал эту парочку. Они бродили по острову и играли для всех, кто хотел слушать. Не уверен даже, что хозяин кафе что-то им платил. Но ребята не бедствовали: люди жертвовали не много, но часто и охотно. На острове их принимали. Правда, именно их самих: открытых, добрых и немножко чокнутых. А вот музыка у дуэта получалась на любителя. Очень грустная и какая-то улетно-психоделическая. Один играл на флейте, другой – на ситаре. Сочетание не для слабонервных!.. Им бы барабанщика в группу. И клавишника... А до тех пор слушателями дуэта будут посетители ночных кафе и безнадежные меланхолики. Впрочем, ночью, на фоне хора цикад, ситар звенел просто завораживающе...

Мы выбрали столик поменьше и сели друг напротив друга. Коснулись коленями. Мало! Не сговариваясь подвинулись. Теперь возможностей больше...

– Что закажете?.. – Служащий улыбнулся, словно старым знакомым, мы здесь и правда далеко не в первый раз...

Я как обычно пожал плечами, кивнув на Кану. Впрочем, он на нее и смотрел.

– Горячего чая и кокосовый пирог с манго, – охотно заказала Кана. – А потом чего-нибудь для бодрости, но не силь-

ного.

Мне тоже нравился этот пирог. В муку втирается масло и кокосовая стружка. Получается сухое, но очень рассыпчатое и вкусное тесто. А начинка – манговая мякоть с местными ягодами для кислинки и обжаренным кешью. Я как-то пробовал делать дома – не получилось. Надо будет еще раз расспросить повара, наверняка, утаил какую-то важную деталь...

Я уловил запах жареных орехов, на что желудок немедленно откликнулся радостным «буль-буль». Оказывается, изрядно проголодался!..

Мы с удовольствием поели, потом пересели за боковой столик, чтобы быть рядом. Слушали музыку. Я попросил флейтиста сыграть «Одинокого лебедя», но Кана сказала, что плакать ей сейчас совсем не хочется, так что лучше чего-нибудь повеселей. И дуэт заиграл самое веселое произведение из своего репертуара. Правда, от него все равно хотелось плакать.

– Кани, как думаешь, любовь есть? – вдруг спросил я.

– Наверное. Хотя иногда думаю, что только в романах и фантазиях. А в реальной жизни – нет. Но все-таки, наверное – есть, просто очень редко встречается.

– Да, ведь драгоценные камни в земле тоже есть, хотя этого и не скажешь, когда копаешься на огороде... А если любовь есть, то что это такое?..

– Не знаю...

– А как думаешь? Ведь это надо обязательно знать, а то, представляешь, встретим и не узнаем!..

– Что такое любовь?.. Ну, наверное, это то, что остается, когда убрать все остальное.

– Как это? – Я спросил, пытаюсь представить, что Кана имеет в виду. Она шевелила губами, видимо, пытаюсь выразить словами свою мысль. – Можешь на примере?

– На примере?.. Сейчас попробую. Вот, что такое огонь?.. Я молчал, думая, что вопрос отвлеченный, но Кана смотрела на меня, явно ожидая ответа.

– Огонь? Мне сразу представляется полянка в лесу и костер, в котором можно печь бананы. Не сразу, конечно, когда угли останутся... Сухие ветки, листья, по ним бегают языки красного пламени. И в них надо подкладывать не очень сухие толстые ветки, чтобы огонь успел их обсушить и перескочить, когда закончится листва...

– Станный у тебя какой-то огонь! – хмыкнула Кана. – Где ты в наших джунглях видел сухие листья и ветки?!

– Да я из детства вспоминаю.

– А, понятно. Ладно, вот смотри. Если из твоего огня убрать, допустим, ветки, дерево и листья, огонь останется?

– Вообще-то потухнет.

– Я про другое! Бывает огонь без веток? Да. Значит, ветки и листья – это не огонь. Убираем дальше: бывает огонь не в лесу? Да. Значит, огонь – это не только костер в лесу... Огонь обязательно с красными языками пламени?.. Нет, он

бывает и другой...

– Понял, – кивнул я. – Надо убирать все, что не относится к огню-самому-по себе, так мы сможем добраться до качества, без которого огонь перестает быть огнем. И так узнаем, что есть огонь.

– Виса, не путай меня, а то собьюсь, – мотнула головой Кана. – Если убирать и убирать, то останется что-то очень-очень важное, без чего огонь перестает быть огнем... – Кана снова замолчала. Я хотел вставить, что об этом я только что и сказал, но благоразумно промолчал. Она втянула через полосатую трубочку немного коктейля и продолжила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.